№ 39 DIELO TROUDA-PROBUZHDENIE Цена 25 сентов

Anarcho-Archiv
Archiv
Horst Stowasser

ДЕЛО ТРУДА
ПРОБУЖДЕНИЕ

ОРГАН ОБЪЕДИНЕННОЙ ФЕДЕРАЦИИ
РУССКИХ РАБОЧИХ ОРГАНИЗАЦИЙ США И КАНАДЫ

МАЙ-ИЮЛЬ 1952 г.

DIELO TROUDA-PROBUZHDENIE
P. O. Box 54, Cooper Station
New York 3, N. Y.

28-й год издания

АНАРХИЗМ В ПРОШЛОМ И ТЕПЕРЬ

Эпохой анархического подъема следует считать 19-ое столетие. Усилия гениальных представителей анархической мысли того времени, находили живой отклик в сознании миллионных масс реакционной Европы. Именно тогда, наибольшей заслугой идеологов анархизма, во главе с Бакуниным, явилось создание боевой организации рабочих — 1-го Интернационала, плоды которого, впоследствии, похитили узурпаторы из Марксо-Энгельского блока.

Весьма долгое время анархизм пользовался огромной популярностью и любовью среди трудящихся. Каждый простой рабочий, вдохновляемый пламенным словом трибуна революции — Бакунина, носил в своем сердце неподдельную страсть к социальной свободе и справедливости. Он готов был, ради немедленного осуществления этих идеалов, идти на баррикады, бороться и умирать. Неудивительно, почему все — наиболее значительные — революционные потрясения первой, а также и второй половины 19-го столетия, были преисполнены столь необычайной целеустремленности и бескомпромиссной решимости.

Французский пролетариат, более всех других, имеет право гордиться своей подлинно-революционной традицией. Героическое восстание лионских ткачей, увенчанное Голгофой парижских коммунаров, служит наилучшим аттестатом для Анархизма всех времен и народов.

Яркая и трогательная романтика величайшего гуманиста — Виктора Гюго, этого непоколебимого защитника всех отверженных и угнетенных, честного друга труда и революции, подтверждает с предельной ясностью былую героику его соотечественников, ставших в те времена, во главе освободительного движения всей Европы.

Начало 20-го столетия ознаменовалось революционным подъемом русского пролетариата, воплотившимся в событии Великой Октябрьской революции, в основу которой были положены анархические начала, а также и в подлинно безвластное движение укранисктого крестьянства, вдохновляемого неустрашимым анархистом — Нестором Ивановичем Махно.

Однако первоначальная победа рабочего класса и трудового крестьянства России была узурпирована все теми-же предателями революции из лагеря марксистов-государственников.

Что-же утешительного, в этом смысле, можно сказать относительно всего последующего времени и вплоть до наших дней? Отвечаем словами М. Ю. Лермонтова в его прекрасном стихотворении "Думы":

...«К добру и злу
Постыдны равнодушны,
В начале поприща
Мы вянем без борьбы,
И пред опасностью
Позорно малодушны,
И перед властию
Презренные рабы...»

Anarcho-Archiv
Archiv
Horst Stowasser

Действительно так. Эти вещие слова, в большей степени, чем к кому либо, относятся к нашим современникам. Живя в эпоху — наиболее сложно-выраженной реакции, в некоторых случаях цинично-наглой, в других — замаскированной и лицемерной, мы смеем констатировать всеобщий и повсеместный упадок безвластного движения.

Кажется, что людей, способных сообщить идеи Анархии динамическую силу — нет, также как и нет людей, способных с должным революционным пафосом воспринять эту идею. Ощущается явный дефицит в последователях Бакунина и Малатесты, Кропоткина и Махно.

Современный человек почти потерял критериум Добра и Зла. Нравственно он стал крайне развязным и неприхотливым. Встречающиеся еще кое-где отдельные проблески анархического сознания, отнюдь не служат в пользу анархизма, как действенной силы революции. Смелое и честное выступление французских анархистов в парламенте, с лозунгом: "Ни за Трумана, ни за Сталина," не встретило, однако, активной поддержки со стороны большинства французских рабочих, и по существу прозвучало голосом, вопиющего в пустыне. А мы знаем, что осуществление анархизма является делом и достоянием народных масс.

Таким образом одна часть этих рабочих, продолжает наивно верить в спасательную силу реформ и подачек с богатого стола буржуазии, т. е. — иначе говоря — идет за Труманом. Другая часть плетется за социалистами московского пошиба. Третья часть ищет спасения в государственном коммунизме, т. е. по-сути идет за Сталиным. Четвертая часть в поисках своего "бога," мечется от самого крайнего неверия — нигилизма, к самому крайнему суеверию — католицизму. И все это имеет место во Франции, т. е. в стране, которая ряд десятилетий была носительницей подлинно-прогрессивных устремлений, в отношении коих всегда и неизменно шла впереди всех.

В других буржуазных странах дела обстоят и того хуже. В общем и целом весь современный мир, четко разделен на три области:

1) Сфера буржуазной "демократии" с ее пустынной безидейностью, с ее непроходимыми джунглями самых причудливых социальных противоречий, диссонансов и общественных аномалий и ее культом золота.

2) Сфера "народной демократии" с ее политическим и партийным догматизмом, с ее террором, нуждой, лишениями и постоянной погоней за неуловимым призраком "счастья," с ее изменой идеалам революции, ради интересов власти и государства.

И наконец сфера "третьей силы," т. е. угнетенных народов за железным занавесом и вне его.

Не будем доказывать, что подсоветские угнетенные массы видят свое спасение от сталинского деспотизма в военной интервенции извне, т. к. одна подобная интервенция уже научила их многому. Но они смутно ожидают спасения от какого-то неясного и неопределенного спасителя.

Кто он — этот спаситель? И, где он? Думаем, что этим спасителем будут не атомные бомбы, не воздушный террор, не новые жертвы и лишения, всегда приносимые войной, и не реставрация дряхлого и порочного капитализма. Может быть этим спасителем должна стать — обновленная идейно и подкрепленная физически — Анархия, могущая пользоваться теперь на востоке, большим пониманием и любовью, чем на западе.

Готовы-ли мы убедиться в этом? За то не требуется доказательств того, что, просыпающиеся в национальном и социальном отношении, народы Азии, Африки, Океании, отчасти, Южной и Центральной Америки, к позору западных "демократий," ориентируются на "демократическое," "доброе" и "бескорыстное" покровительство не дяди Сэма, а дяди Джо. В своих обещаниях помощи, борющимся угнетенным народам колониальных стран, Кремль не скупится на самые радикальные декларации.

Что-же противопоставляют этим соблазнительным жестам Сталина его противники? Непопулярную войну в Индо-Китае, с благословения американских политиков и при поддержке американской-же военной техники. Жестокие репрессии во французском Марокко, Тунисе, Алжире, при демонстративном строительстве в этих странах американских военных баз, рассовую дискриминацию в Южной Африке, в Малайе, Бурме и других частях земного шара.

А что-же должны предпринять идеологи безвластных идей, ради того, чтобы не только спасти эти народы от колониального порабощения, но и предотвратить их от возможного сталинского рабства? Положиться на волю судеб, не противиться—активно — злу, ждать, пока народы сами поймут — "где собака зарыта," как пред-

полагают некоторые "платоники" от анархизма?

Явно гибельный путь. Как видим, народы не только не поумнели за эти несколько десятков лет, а наоборот, во многих отношениях поглупели и даже очень. Реакция: — красная, белая, желтая и черная — чувствует себя не хуже, чем во времена: Тьера, Бисмарка, Галифе и Муравьева. Не только Сталин возвеличен, но даже и папа римский стал поговаривать о возрождении былого авторитета Ватикана. В Италии не зря существуют две "религии." Одна половина народа верит в "наместника" Христа, а другая — в кремлевского "папу" — Сталина. В Германии фашизм нагло подымает голову. Беспринципная, продажная и трусливая буржуазия, с одной стороны флиртует с коммунистом Тито, а с другой — кокетничает с фашистом Франко.

Не следует доказывать, что наши враги на востоке и западе, весьма деловиты, активны и агрессивны. Они действуют по принципу: "на бога надейся, а сам не плошай." Имеем-ли мы основание надеяться только на исторические законы, которые когда-то приведут человечество к заветному счастью? Можем-ли мы ограничиваться только этой верой и микроскопическими дозами весьма неубедительных усилий, которые друзья не чувствуют, а враги не замечают?.. Говорят: мы разрознены, мы безсильны и добавляют: еще не все созрело. А, кто-же должен способствовать тому, что-бы созрело? Неужели наши враги?

Ведь, собственно, с чего начинал свою борьбу Бакунин? С ожидания — пока созреет? Очевидно нет. Имел-ли он капиталы, организованные кадры, вооружение? Повидимому — нет.

А что-же он имел? Что позволяло ему начинать борьбу? Непоколебимая вера в идеалы Анархии, плюс: волевая, неустрашимая, самоотверженная действенность. Анархист только таким и должен быть. Слизняков и бесхребетных амфибий среди анархистов не бывает, ибо Анархизм это не только социально-экономическое учение, но и — прежде всего — этическое учение, ставящее своей целью не лишь СВОБОДУ, но и высшее интеллектуально-нравственное развитие человека. Без этого условия, свобода — фикция, фантом. Отсюда, безнравственный анархист, такой-же абсурд, как и безграмотный профессор.

Говорят: у нас разрозненность! Покончить с ней, не считаясь с мелкими амбициями, которые только помеха для главного — для цели. Говорят: у нас нет организации: Создать ее. Координировать наши усилия со всеми существующими анархическими группами мира. Покончить раз и навсегда с групповым сектанством, выйти из наших закрытых лож на чистый воздух — к народу и заговорить с ним живым, понятным языком. Нужно черпать новые кадры сочувствующих не из ограниченного и тесного круга знакомых, а из широкой среды людей разных национальностей, находящихся, до сих пор, под пагубным влиянием партийцев — государственников.

Пора перейти от — никому ненужных дискуссий к творческой, четкой и твердой работе. От добрых пожеланий, мечтаний и молитв — к подлинно революционной деятельности. А для этого нужно иметь конкретный план работы.

Ближайшая задача — учет реальных сил и возможностей наших врагов на востоке и западе. Второй задачей является научное разоблачение реакционной природы каждого из них и подрыв доверия к ним — той части обманутых людей, которые продолжают им верить.

Правильный и трезвый учет всех неблагоприятных для анархической деятельности, современных условий, не только не дает нам права впадать в пессимизм и пассивную созерцательность, а наоборот — обязует к удвоению наших усилий и нашей жертвенности.

Сила инерции крайне велика. Мы должны преодолеть ее. Только тогда мы будем услышаны и вознаграждены историческими законами, когда сдвинемся с належанного места и пойдем им навстречу.

За свободу народов, за торжество Анархии — вперед!!!

Николай Байкалов.

Государство по необходимости зиждется на эксплоатации и порабощении масс и, в качестве такового угнетающее и попирающее всякую свободу народа и всякую справедливость внутри себя, неминуемо должно быть грубым, завоевательским, грабительским и хищническим в своих внешних действиях. Государство — отрицание человечности.

М. БАКУНИН

НА ТЕМУ ДНЯ

Утверждение анархистов, что правительства, издавна защищая интересы более хищных и сильных слоев общества, в наши дни являются слугой и представителем капитала, — как нельзя яснее обрисовывается на фоне политико-экономической жизни в США.

Законодатели США, члены Конгресса и Сената, лишь иногда прибегая к лживым оправданиям своих действий, беззастенчиво и открыто — на словах и на деле выявляют, что они служат тем или иным крупным интересам: один служит интересам банков, другой — интересам железных дорог; этот представляет интересы сталелитейного производства, а тот — алюминиевого; тот на службе угольных баронов, а другой служит интересам домовладельцев, и т. д. и т. д.

Широкая "публика" совсем не возмущается тем, что одна группа получает "гонорар" в 750,000 дол. от испанского диктатора Франко за оказание помощи в получении им сто-миллионного займа от правительства США, что другая клика, или, как их здесь называют, — "Лобби," в течение десятков лет получает вознаграждение от Чанг Кай Шека в миллионах долларов за то, что, не взирая на интересы своей страны, продолжает защищать интересы проворовавшегося авантюриста, которого китайцы выбросили с своего материка; что самый ярый ненавистник всякого прогресса, сенатор М. получил плату в 10,000 дол. за то, что помог строительной компании "Иллюстрон" получить заем от США, которая, впоследствии, ничего не построив, растратила миллионы и объявила злостное банкротство... Все это — в порядке вещей.

Президент, пользуясь обширными правами, обычно назначает, при одобрении Конгресса и Сената, тех или иных министров, которых — также обычно — ему рекомендует поставившая его партия.

Кто же эти министры?

Еще покойный президент Рузевельт сделал почин, окружив себя более или менее "прогрессивными" представителями банков, крупных предприятий и т. п., под давлением которых он должен был в последствии отказаться от проведения в жизнь многих либеральных реформ, которые диктовали ему его искренняя человечность и глубокое понимание неуравновешенности экономического положения граждан своей страны.

Позднее Труман, подсунутый постоянно планирующими силами капитализма, как податливый ставленик политической машины из Миззури, — насажал на все ответственные должности, во все отрасли жизни страны: банкиров, стальных тузов, личных приятелей...—людей консервативных, недалеких и грубо преследующих свои личные интересы, или же узкие интересы выдвинувших их групп.

Назревала забастовка рабочих в стальной индустрии, а хозяева и слушать не хотели о прибавке платы своим рабочим. Стальное производство, благодаря программе всемирного вооружения, пользовалось небывалыми барышами в последние пару лет, но, тем не менее, представитель индустрии, Вилсон, поставленный Труманом фактическим царьком над всей промышленностью страны, потребовал от президента декрета о повышении цены на сталь, по меньшей мере, в 10 дол. на тонну. Труман, помышляющий в то время засесть еще на 4 года у руля правления, не мог согласиться на такую отъявленную наглость, опасаясь вооружить против себя организованных рабочих, уже и до того начавших относиться с подозрением к его действиям. Вилсон с протестом подал в отставку, а Труман 'захватил," по образному выражению печати, правление стальной промышленностью накануне забастовки.

Могучие магнаты стали не могли допустить подобного своеволия со стороны своего верного слуги и подняли травлю против Трумана, называя "захват" индустрии нелегальным, несмотря на недавние "захваты" железных дорог и шахт, и обжаловали подобное действие президента в Верховном Суде. В ожидании решения Верховного Суда, один из федеральных судей запретил повышение платы рабочим, а в это время стальному производству ни с того ни с сего дали повышение в три доллара за тонну. Потом и Верховный Суд вынес решение, что "захват" — нелегален.

В правительственных кругах настойчиво требуют повышения цены на сталь еще на 5 долларов за тонну, а рабочим приходится снова начинать забастовку против отдельных заводов, ибо правительство требует, чтобы нужные правительству заказы по стали выполнялись из патриотических чувств при старой плате рабочим.

Под давлением сверху, и потеряв свою репутацию среди рабочих, Труман решил

не выставлять свою кандидатуру в президенты, а представитель рабочих, Муррэй, чешет свою лысину в недоумении: как это Труман, без всякого протеста, соглашается на такое явное предательство выбравших его рабочих?

Подозрения рабочих в двуличии "друга Труда" — Трумана начали превращаться в уверенность.

Они начали вспоминать...

В 1950 г., когда железнодорожники вышли на забастовку, Труман декретом захватил правление дорогами в руки правительства, обещав рабочим полное удовлетворение их требований. Девять представителей правительства руководили операциями железных дорог более полтора года с результатом: Тариф на пассажирское и грузовое передвижение был значительно повышен, а требования рабочих были удовлетворены далеко не полностью лишь недавно, несмотря на сильное вздорожание жизни за эти полтора года. Железные дороги возвращены их владельцам в цветущем состоянии, а рабочие остались у разбитого корыта.

Вспомнили рабочие, как президент союза ж.д. рабочих, протестуя против вмешательства правительства в забастовку, клеймил еще тогда Трумана изменником и предателем.

Вспомнили, как то же правительство поступило с забастовкой шахтеров, когда оно "захватило" шахты, сломило забастовку и, при помощи суда, оштрафовало Союз Шахтеров в невероятную сумму почти в миллион долларов. Только благодаря своей солидарности, которая выразилась в индивидуальных отказах большинства рабочих возвратиться в шахты вопреки декрету правительства, шахтеры получили удовлетворение своих требований.

Шахты возвращены хозяевам и оперируют прибыльно при повышенной цене на уголь.

Вспомнили также, что никто другой как Труман, этот самозванный глашатай и защитник гражданских свобод и прав, предложил закон об установке благонадежности всех служащих правительства, что было подхвачено с ликованием всеми силами мракобесия и реакции и вызвало гонения и преследования всех либерально мыслящих людей во всех отраслях жизни: в правительстве, в индустрии и во всех общественных взаимоотношениях.

Рабочим совсем не в домек, что кого бы они не выбрали в правительство, их доля не улучшится, ибо политиканы, ищущие выборов на правительственные должности, обычно являются морально самым низким элементом общества и, если не куплены той или иной кликой капитала еще до выборов, продадутся на службу крупным интересам за высшую цену после их избрания.

Голос либерально мыслящих, случайно попавших на скамьи Конгресса или Сената и в другие правительственные учреждения, не слышен с трибуны, ибо все предрешается в комиссиях, а если и случается критика в некоторых случаях, то она происходит при закрытых дверях и дискуссии остаются в архивах тайных заседаний, редко доходя до ушей граждан.

В Конгрессе и в Сенате ведется усиленная агитация за объявление забастовок вообще вне закона, т. е. полного подчинения рабочих капиталу и представителям государства, как было у Гитлера и Муссолини и как ведется у Сталина.

Примеры заразительны и реакция **в США в полном размахе.**

Рабочие Америки, да и всего мира, никак не могут понять, что никаких существенных перемен в отношении труда и капитала не может произойти, пока рабочие ограничиваются лишь борьбой за повышение заработной платы, которая никак не может угнаться за повышением стоимости жизни. Погоня за стоимостью жизни вполне уподобляется погоне своры гончих за механическим зайцем на собачьих гонках: заяц может быть пойман лишь тогда, когда движущий его механизм придет в беспорядок. Капитализм не облагодетельствовал рабочего, а правительство, по своей сути, не может быть другом рабочего.

Нужны более широкие цели, более обдуманные задания, нужна ясность в распознавании своих друзей и недругов, нужна обширная просветительная работа, чтобы люди пожелали новой свободной жизни с равными правами на блага жизни, где довольство достигалось бы мирным сотрудничеством всего людского рода. **ВИД.**

Чем должны быть люди?

— Не машинами для обработки земли и не машинами для переваривания пищи, а также и не рабами других людей или собственных страстей должны быть, а прежде всего им следует быть людьми.

Т. КАРЛЕЙЛЬ

ВОЛЬТЕРИНА ДЕ КЛЭЙР

(К 40-летию со дня ее смерти)

Вольтерина де-Клэйр

На страницах русской анархической печати о Вольтерине де Клэйр было сказано очень мало. А между тем, это была далеко незаурядная женщина. Она не только стояла несколькими ступеньками выше своего времени, как это справедливо замечает один из ее современников, но и сочетала в себе все лучшие и самые светлые качества, какими только может природа одарить человека.

Родилась Вольтерина де Клэйр 17 ноября 1866 года в небольшом городке в штате Мичиган. Это особенно важно отметить, ибо в Соединенных Штатах господствует мнение, что коренному населению этой страны чужды радикальные идеи. (Революцию создают евреи, — говорили когда то русские черносотенцы, а американские черносотенцы твердят: революцию создают иностранцы.) Отец Вольтерины де Клэйр — потомок французских переселенцев — увлекался Вольтером, поэтому он пожелал, чтобы его дочь носила имя этого выдающегося мыслителя. Вольтерианство в доме де Клэйр, однако, продолжалось не долго. Когда Вольтерине исполнилось 13 лет, она по воле родителей, забывших уже о Вольтере, должна была оставить отчий дом и своих сверстниц и переселиться за мрачные стены католического монастыря, в холодной канадской провинции — Онтарио. Там, вдали от шума и света, она прожила до самого своего расцвета — до 17 лет, преуспевая в познаниях, если можно считать познаниями то, что преподается в монастыре. Как правило во всех таких случаях, из Вольтерины должна бы была выйти набожная монахиня. Однако, вместо носительницы черных одеяний, она стала носительницей черного знамени. Эта "метаморфоза," пожалуй, самый красочный штрих в жизни Вольтерины де Клэйр. Всюду теперь мы слышим: пропаганда, пропаганда! Большевики твердят, что против них ведется злостная пропаганда; Вашингтон ассигновал огромные суммы на борьбу с пропагандой, идущей из красного лагеря. Но какая пропаганда могла коснуться Вольтерины де Клэйр? Кто мог сказать молодой девушке, что в мире есть такие то и такие идеи? Кто мог снабдить ее соответствующей литературой? Никто! Вольтерина де Клэйр была отрезана от всего мира. Она не читала никаких радикальных книг. И тем не менее, она нашла и вышла на путь Анархии. Это как нельзя лучше подтверждает, что великие идеи не приносятся извне, а рождаются внутри человека. Вольтерина де Клэйр вынесла из монастыря то, о чем она там никогда не слышала: вольнодумство. В одной из своих статей она рассказывает весьма забавный эпизод по этому поводу.

Наставница всячески уговаривала ее пойти и извиниться перед высшим монастырским начальством за проявление своеволия. "Но ведь это будет ложь, — сказала де Клэйр. — Я должна буду говорить не то, что я чувствую, а совесть не позволяет лгать." "Дитя мое, — подхватила наставница, — меньше всего прислушивайся к голосу совести, а старайся выполнить все то, что приказывают стоящие выше тебя." (Аналогичная сценка имеется в романе И. Наживина "Молодежь," где монахиня доказывает скептически настроенной послушнице, что каждый человек, переступая порог монастыря, должен оставлять свой ум по ту сторону порога.) Коротко и ясно: не надо ни ума, ни совести, — достаточно одного слепого повиновения. Это окончательно подорвало в душе девушки веру в "святость" и "непорочность" монастырских порядков.

Случилось так, что вскоре после выхода де Клэйр из монастыря, в Чикаго на знаменитой Сенной площади произошли первомайские беспорядки. Газеты изо-дня в день писали, что беспорядки вызваны анархистами и что люди погибли исключительно по вине анархистов. "Это ужасно, — воскликнула де Клэйр, — всех этих анархистов нужно повесить." (Де Клэйр в то время примыкала к секуляристам — сторонникам обращения церковного имущества в светское.) Анархисты действительно были повешены. Впоследствии де Клэйр нещадно сама себя бичевала за эти слова: "Я знаю, — пишет она, — что как погибшие мученически наши товарищи, так и оставшиеся в живых их единомышленники, прощают мне за это, но

я сама себе простить не могу. Я была глупа, — продолжает она, — и это все, что я могу найти в свое оправдание.”

О, ирония судьбы! Никто так не воспел Чикагских Мучеников, как Вольтерина де Клэйр. Она посвятила им много прекрасных статей и — еще более прекрасных — стихотворений. (Де Клэйр была не только писательницей, но и поэтессой.)

Значительную часть своей жизни Вольтерина де Клэйр прожила в Филадельфии — этой колыбели американской независимости. Там началась ее общественная деятельность. Не было ни одного с'езда, ни одного митинга, ни одного конгресса свободомыслящих (фритинкерс), — где бы эта цветущая девушка, с двумя тяжелыми косами, плавно ниспадавшими с ее плеч, не принимала участия. Слушая лекции Кларенса Дарроу, де Клэйр проникалась социалистическими идеями, в качестве защитницы которых ей вскоре пришлось понести поражение. Победителем оказался анархист. С тех пор Вольтерина де Клэйр до конца дней предрассветной Венерой сияла на фоне Анархии.

По мнению Макса Неттлау, Вольтерина де Клэйр по силе своей идейной чистоты очень близко подходит к Элизе Реклю. У них не было той динамики, которая была свойственна Бакунину, нет той точности и прямолинейности, которая была присуща Кропоткину, но у них было то, что называется духовной чистотой. От них исходил какой то таинственный свет, какое то тепло, отчего всем соприкасавшимся с ними становилось легче и отраднее.

Несмотря на то, что Вольтерина де Клэйр умерла сравнительно молодой, ей удалось побывать — с лекциями — не только во многих городах Соединенных Штатов, но и во многих европейских странах. Она часами беседовала с Кропоткиным, знала Малатесту, Э. Реклю, Ж. Грава, Д. Ньювенгауса, С. Фора и многих других. Знание французского языка дало возможность Вольтерине де Клэйр не только ознакомиться с трудами французских анархистов, но и перевести эти труды на английский язык. Особенно она старалась популяризовать как идеи, так и личность Луизы Мишель, прославившейся раздачей хлеба безработным, взятого в больших пекарнях.

В жизни де Клэйр был один случай, не укладывающийся в рамки обычной классификации. Это было в Филадельфии. Как учительница, де Клэйр близко познакомилась с бедными имигрантами — в большинстве из России, — которым она преподавала английский язык а также давала разные советы и наставления. Один из ее учеников, в припадке помешательства, произвел в нее несколько выстрелов, тяжело ранив ее. Стрелявшего арестовали и судили. Пострадавшая, зная какое суровое наказание ждет арестованного, обратилась с просьбой о помиловании его, причем, насколько ей позволяли силы, приняла участие в сборе средств на защиту подсудимого. В связи с этим один пастор, перефразируя слова библейского Исаака — (“Руки — Исава, голос — Иакова”) заявил “на словах — анархистка, а на деле — христианка.” Пастор, несмотря на его добрые чувства, далеко не прав, отождествляя добро — с христианством, а антипод добра — зло — с анархизмом. Далеко не все христиане умеют прощать. Принцип мести самым широчайшим способом практикуется среди всех разветвлений современного христианства. С другой стороны, источником анархизма является не месть, не гнев, не жажда крови, а жалость и сострадание к обиженным. Поэтому чувства прощения присущи анархистам в большей степени, чем кому бы то ни было.

Хлопоты де Клэйр освободить стрелявшего в нее, однако, не увенчались успехом. Востржествовал закон. Стрелявшего присудили к многолетнему заключению, срок которого он не успел отбыть, скончавшись вскоре в больнице для душевно больных. Дикий поступок безумца, несомненно, сократил жизнь Вольтерины де Клэйр. Несмотря на предпринятую после этого по совету врачей поездку в Норвегию, она не могла окончательно оправиться от полученных ран и от пережитых потрясений.

В 1910 году де Клэйр переселилась в Чикаго, чтобы быть ближе хотя бы к праху тех, кого она однажды, по неведению, оскорбила, но идеи которых стали ей дороже всего на свете. Валдгеймское кладбище, где похоронены чикагские анархисты, стало для Вольтерины де Клэйр чем то вроде Гефсиманского сада. Она посещала это место при каждой возможности. Увы, скоро похоронили там и ее. Скончалась Вольтерина де Клэйр 6 июня 1912 года.

После нее остался сын, Харвей, здравствующий и поныне и носящий фамилию матери. У Харвей де Клэйр есть и дочь — Вольтерина. Пойдет ли Вольтерина — внучка — по стопам своей бабушки?

***

В анархическом движении Вольтерина де

Клэйр занимает особое место. Она не примыкает ни к какой "школе," ни к какому отвлечению. Она охватывает *весь* анархизм, одобряет *все* его виды. Вот, что она говорит об анархизме, анархистах и их методах:

"Каждый метод, — пишет де Клэйр, — пригоден для соответствующей индивидуальной способности... Вот Толстой — христианин, непротивленец, художник. Его метод — рисовать картины общества, как оно есть, показывать грубость и ненужность насилия, проповедывать отмену власти путем отвержения милитаризма. Прекрасно! Я принимаю этод метод целиком. Он отвечает характеру Толстого, его способностям. Будем радоваться, что он именно так работает... Вот Иоганн Мост — состарившийся, надорвавший силы на работе, отягченный годами тюрьмы, — но все еще резкий, едкий в своих обвинениях против правящего класса, проявляющий столько энергии, что ее хватило бы на целую дюжину молодых людей, идущий под гору своей жизни, но неустанно взывающий к сознанию несправедливости, причиняемой людям. Прекрасно! Пробуждать сознание людей необходимо. Да будет долго звучать этот пламенный призыв... Вот Бенджамин Тукер — холодный, сдержанный критик, посылающий свои остро отточенные стрелы друзьям и врагам с ледяным бесстрастием, бьющий сильно и метко, — всегда готовый пригвоздить предателя. Придерживаясь тактики пассивного сопротивления, как наиболее действительного средства, он готов изменить эту тактику, как только это окажется нужным. Это отвечает его способностям, в своей области он единственный, неоценимый... А вот П. Кропоткин, обращающийся к юношеству и глядящий светлым, теплым, любящим взглядом на каждое начинание, приветствующий с детским энтузиазмом возстания рабочих и верящий в революцию всей душой... Ему мы тоже благодарны... Вот Джордж Браун, проповедующий мирную экспроприацию с помощью профессиональных рабочих союзов. И это тоже хорошо. Это его настоящее место. Он здесь дома. Больше всего он может сделать на им самим избранном пути... А там, в Италии, в гробу лежит человек, методом которого было — убить короля и потрясти нацию внезапным сознанием никчемности ее закона и порядка. И его действия я принимаю без оговорок и склоняюсь в молчаливом признании силы этого человека..."

Такое всеобщее оправдание всех видов тактики — редкое явление в наших рядах. Очень часто **вся истина,** целиком и без оговорок, приписывается *лишь одному* виду действия, в ущерб всем остальным. Есть анархисты никого не признающие кроме Прудона, как основоположника анархического учения (Лев Черный), и, наоборот, есть такие, которые отсылают Прудона в дальный угол, но за то возносят до небес Бакунина (Г. Максимов). Строонники Кропоткина находят полновесные зерна лишь в анархо-коммунизме, сторонники Штирнера — в анархо-индивидуализме, сторонники Пелутье — в анархо-синдикализме и т. д. Де Клэйр признает право на существование за всеми анархическими течениями. Почему такая терпимость? Потому, что ни одна из анархических схем, по мнению де Клэйр, не может вместить в себе всю истину. Крупицы правды имеются тут и там... Волин пытался слить эти крупицы воедино для того, чтобы путем процесса получить синтетический анархизм. Де Клэйр этого не делает —она предоставляет каждому течению анархического мышления идти своим руслом.

Следует, однако, отметить, что Вольтерина де Клэйр тоже прошла известную "эволюцию." В первые годы своего приобщения к анархизму она была последовательницей Двайера де Лума, а затем Тукера, и, лишь позднее, она начала отдавать первенство анархо-коммунизму. Одно время она никак не допускала, чтобы человек, будучи анархистом, мог верить в бога. Но вот появился на горизонте Толстой, и де Кяэйр, по ее словам, оказалась обезоруженной. (Быть может, еслиб все анархисты придерживались терпимости, как ее понимала де Клэйр, — работа их была бы гораздо плодотворнее...)

***

Общественная деятельность Вольтерины де Клэйр протекала в исключительной обстановке. Чикагские события 80 г.г. оставили глубокую рану на теле анархизма. Лучшие деятели и самые преданные идеалисты были выбиты из строя (повешены). Драконовского закона против анархистов еще не было, и эти события способствовали тому, что идеи анархии обсуждались открыто на страницах печатных органов и на улицах. Последовавшее за тем чуть ли не официальное оправдание анархистов (новый губернатор штата Иллинойс выпустил из тюрьмы всех тех, кто был осужден за участие в событиях на Сенной площади) лишь раздвигало рамки анархической пропаганды. В. де Клэйр весьма умело все это положение использовала. В своих лекциях и печатных выступлениях она доказывала, что идеи анархистов и американские традиции во многих случаях вполне

совпадают. Стремление Колоний выйти из под опеки Англии обусловлено, по словам де Клэйр, не столько тягой к созданию нового государства, сколько желанием жить свободно и независимо, что подтверждает их стремление повысить местное самоуправление за счет центральной власти; даже Джеферсон, будучи президентом молодой республики, созвучен анархизму, находя нужным умаление власти до минимума для блага народа.

Положение круто изменилось, после убийства в 1901 г. президента Мак Кинли некиим Чолгашом, которого все газеты заклеймили "анархистом."

Был издан суровый закон против анархистов...

В это самое время, Вольтерине де Клэйр не только удавалось отстаивать правоту анархизма, но и избежать полицейских застенков. Она не была арестована, несмотря на то, что ее лекции неоднократно срывались как "нарушителями," так и "блюстителями" порядка. Однажды во время обыска на квартире у де Клэйр в руки полицейского попала ее поэма под названием "Червь." Поэма была написана в духе анархизма. Достаточно было пробежать несколько строчек на первой странице, чтобы убедиться в этом, но полицейский не сделал этого.

— Что это у тебя за книжка? — спросил второй полицейский.

— Ерунда, что то про червей, — ответил первый и бросил поэму в сторону.

В другой раз появление полицейских на смерть перепугало дремавшую... кошку. Животное прыгнуло в сторону, опрокинув керосиновую лампу. Лежавшие на столе компрометирующие бумаги воспламенились... Полицейским вместо обыска пришлось заняться тушением пожара. Из за подобных неожиданностей, похожих на анекдоты, Вольтерина де Клэйр так и не испытала тюрьмы, вопреки попытки властей арестовать ее.

***

В заключение хочется привести небольшую выдержку, свидетельствующую о том, как Вольтерина де Клэйр смотрела на анархизм:

"О, хоть раз стоять бестрепетно на краю темного потока страстей и желаний... дать этому потоку подняться и разлиться и своей силой потрясти нас... Раз навсегда понять, что мы не связка хорошо изложенных рассуждений, а бездонная глубина всяких странных ощущений, бурное море чувств... Заглянуть в эту глубину, познать мрак, полночь, отжившие века в себе... видеть, знать, чувствовать с предельной остротой... вот что анархизм мог бы означать...

"А потом, обратившись к облакам, к звездам, к небу, позволить своим мечтам свободно нестись к ним... рисуя бесконечные картины, создавая неслышные симфонии... целуя цветы... нестись свободно, свободно за пределы того, что страх и привычка называют "возможным." Все это анархизм может явить."

Конечно, это поэзия. Но анархизм, в сущности, и должен быть поэзией.

Автономов.

Что нужно рабочим и крестьянам России

Крестьяне и рабочие знают, что как бы ни менялись формы правления, они останутся все в том же рабстве, покуда будут оставаться в той же нищите и в той же необходимости продавать себя из-за куска хлеба. Им нужно провозгласить — и не только провозгласить, а **завоевать и утвердить на деле:**

1) Право на землю для каждого, желающего обрабатывать ее личным трудом.

2) Право всего общества на все то, что произведено трудом прошедших поколений, т. е. на жилые дома, фабрики, заводы, пути сообщения, железные дороги, угольные копи и т. д.

3) Право на обеспеченное безбедное существование для всякого, кто занят общеполезным трудом.

4) Право для всех на даровое образование и обучение мастерствам, а также на обеспеченную старость.

Завоевывая эти права непосредственно, революционным путем овладевая ими на деле, рабочие и крестьяне не только помогут уничтожению власти вообще гораздо более действительно и несравненно более полно, чем это может быть сделано одной политической борьбой, но и завоюют для всех политическую свободу, несравненно более прочную и действительную, так как она будет основана на равенстве экономическом, тогда как политическая свобода, не основанная на свободе экономической, неизбежно становится привилегиею одних зажиточных классов и новым орудием эксплоатации в их руках.

П. Кропоткин

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ П. А. КРОПОТКИНА

Современный коммунистический анархизм неразрывными узами связан с именами двух великих людей — Петра Алексеевича Кропоткина и Михаила Александровича Бакунина, которым он обязан своим теоретическим обоснованием. Бакунин, будучи организатором анархического движения, заложил прочный фундамент, на котором Кропоткин воздвиг научное здание дивной красоты и стройности, никем не превзойденное до сих пор.

Источником коммунистического анархизма послужили общинно-артельные начала русской деревни, перенесенные Бакуниным в мощное движение международного пролетариата конца 60-х г.г. прошлого столетия. Остатки первобытного коммунизма, сохранившиеся в общинных началах русской деревни, оплодотворенные духом классовой ненависти обездоленных ко всей буржуазной цивилизации, легли в основу анархического учения, которое подвергло уничтожающей критике все устои старого мира — государство, частную собственность, религию, старую этику, семью, систему воспитания и т.д.

Сущность общинных начал выражена в требовании "каждому по его потребностям," находящем свое яркое выражение в переделах земли между членами, сообразно числу едоков в каждой семье и в кооперировании, т. е. в добровольном объединении труда своих членов для всех целей, требующих этого объединения.

Коммунистический анархизм распространил общинный принцип перераспределения орудий и средств производства между членами, сообразно потребностям каждого, на все отрасли промышленности, давая ему всеобъемлющее значение и требуя уничтожения монополии на все богатства, накопленные трудом настоящих и предшествующих поколений рода человеческого.

А так как техника промышленного производства, в отличие от сельского хозяйства, не допускает единоличного пользования орудиями труда, то коммунистический анархизм выдвинул на первый план кооперативное, артельное начало, имеющее второстепенное значение в сельском хозяйстве. Он требует перераспределения орудий и средств производства не в единоличное, а в общественное, групповое пользование.

Принцип свободного соглашения, заложенный в основе артельных начал, получил особенно важное значение в программе коммунистического анархизма.

Право свободного слияния и разделения организаций, войдя в повседневную жизнь анархического общества, должно в точности соответствовать по своему значению пределам земли в общине, предотвращая даже самую возможность возникновения какой-либо монополии.

Такова по существу была программа, созданная творческим умом Бакунина в последнее десятилетие его героической жизни. После смерти Бакунина на передовом посту встал Кропоткин, который разработал и углубил основы коммунистического анархизма, дав ему гениальное обоснование.

При разработке экономического учения анархизма, руководящей нитью Кропоткину служил принцип первенства потребления, составляющий сущность общинных начал, принцип "каждому по потребностям." Поэтому, исходя из предпосылки, что необходимо "поставить потребности людей выше их дел" ("Хлеб и Воля," 126 стр. Изд. Моск. Федер. Анарх. Групп, 1917 р.), Кропоткин пришел к выводу, что "наука политической экономии... должна поставить себе целью изучение все растущих потребностей общества и различных средств, употребляемых для их удовлетворения" (Совр. Наука и Анархия," 97 стр. Изд. "Голос Труда").

Идея первенства потребления выделяет экономическое учение анархизма среди других течений социалистической мысли. "Отсюда понятно, — говорит Кропоткин, — почему мы приходим к заключениям столь отличным в некоторых отношениях от тех, к которым приходит большинство экономистов, как буржуазных, так и марксистских, — почему мы не признаем "законами" некоторые соотношения, указанные ими, — почему наше изложение социализма отличается от ихнего" ("Совр. Наука и Анархия," 97 стр.), почему экономическое обоснование анархизма отличается своеобразием.

Из идеи первенства потребления вытекает прежде всего учение о том, что ценность хозяйственных благ или услуг определяется соотношением между потребностями и средствами их удовлетворения. "Ценность предмета по отношению к его полезности, — говорит Кропоткин, — зависит ...от той степени, в которой он нужен для удовлетворения действительных и наиболее насущных нужд" ("Хлеб и Воля," 135 стр.).

Эта теория ценности ложится в основу экономического учения анархизма.

Став на точку зрения теории предельной полезности, Кропоткин решительно выступает против трудовой теории ценности. "Когда экономист говорит нам, что ценность товаров измеряется количеством труда, общественно-необходимого для их производства (см. Рикардо, Прудона, Маркса и многих других), мы не принимаем это утверждение, как абсолютно верное, потому что оно сказано такими авторами, или потому, что нам кажется "чертовски социалистичным" говорить, что труд есть истинное мерило ценности товаров" ('Совр. Наука и Анархия," 94 стр.). "Меновая ценность и количество труда именно не пропорциональны друг другу: одно никогда не измеряет другое" ("Совр. Наука и Анархия," 95 стр.). Ценность определяется не трудом, а важностью для удовлетворения потребностей.

Многообразные человеческие потребности всегда располагаются лестницей, в порядке убывающей важности каждой из них в данный момент. Чем больше средств удовлетворения потребностей, тем больший круг потребностей может быть удовлетворен и тем выше стоит на лестнице последняя из них, которая может быть удовлетворена из данного запаса экономических благ. Наоборот, чем меньше средств удовлетворения потребностей, тем меньшее количество их может быть удовлетворено и тем ниже стоит на лестнице последняя из подлежащих удовлетворению.

Последняя из удовлетворенных потребностей, представляющая пределы довольства человека при данном соотношении потребностей и средств удовлетворения их, и определяет предельную полезность. А так как начинают удовлетворение потребностей с наиболее важных и существенных, то ясно, что предельная польза определяется наименее важной потребностью из числа подлежащих удовлетворению.[1]

На первый взгляд рабочему кажутся совершенно безразличными все споры экономистов о том, чем определяется меновая ценность товаров — предельной полезностью или количеством труда. Им, конечно, нет никакого дела до теории ценности тех хозяйственных благ, которыми капиталисты обмениваются между собою — угля, железа, машин и т. д.

Но эти учения приобретают совершенно другой, более глубокий и животрепещущий смысл, когда мы вспомним, что в капиталистическом обществе все, решительно все, начиная с угля, железа, мащин, хлеба, колбасы и т. д., и кончая "рабочими руками," мозгами, талантами и даже человеческим телом, — все это становится предметом купли-продажи, становится товаром.

Цена труда, т.е. заработная плата, которую платит рабочему капиталист, тоже определяется соотношением между потребностями и средствами их удовлетворения. По этому признаку современное общество делится на два класса: монополистов хозяйственных благ, которые имеют в избытке средства удовлетворения потребностей, и обездоленных, которые лишены их и не имеют возможности нормального удовлетворения своих потребностей.

Власть человека над человеком служит источником монополизации средств удовлетворения потребностей. Открытое насилие, прямые и косвенные налоги, наконец, законодательным путем установленные концессии и монополии — вот что нарушает общинные, коммунистические принципы распределения общественных благ по потребностям, создавая богатства монополистов на одной стороне и нищету и разорение для обездоленных — на другой ("Современная наука и Анархия," главы о современном государстве).

Обездоленные, лишенные монополистами средств удовлетворения потребностей, принуждены продавать им свой физический или умственный труд за бесценок. "Миллионы и миллионы мужчин, женщин и детей, — говорит Кропоткин, — постоянно принуждаются под угрозой голода продавать свою свободу, отдавать свой труд хозяину на тех условиях, на которых он пожелает заставить их работать" ("Совр. Наука и Анархия," 202 стр.). "Таким образом, — продолжает он, — те, кто ничем не владеют, дела-

[1] "Вещь, которая у нас уже имеется, мы оцениваем по той потере, какую причиняет ее лишение, следовательно, — по последней из тех потребностей, удовлетворение которой обеспечивалось прежде. Вещь, которой у нас нет, мы оцениваем, наоборот, по тому приращению пользы, которое достигается ее приобретением, т.е. по важнейшей из всех потребностей, которые мы уже не могли бы больше удовлетворить при нашем прежнем имущественном положении" (Бем-Баверк — "Основы теории ценности хозяйственных благ," 51 стр.). Ценность орудий и средств производства определяется ценностью производимых при их помощи продуктов, но не всех, а предельных, т. е. наименее важных, но необходимых.

ются рабами тех, кто владеет" ("Совр. Наука и Анархия," 204 стр.).

Благодаря насилию господствующих классов над обездоленными, предельная полезность общественного дохода каждого из них (заработной платы одних и прибыли других) не одинакова. Заработная плата не всегда обеспечивает существование, а прибыль обеспечивает сытое довольство и роскошь. Это различие в предельной полезности общественного дохода каждого класса служит источником классовой борьбы обездоленных за перераспределение экономических благ сообразно потребностям.

Обездоленные, актами единоличного и массового протеста, выражают свое недовольство существующей системой распределения средств удовлетворения потребностей. Поэтому, классовая борьба не заглохнет до тех пор, пока не будет уничтожена монополия и пока средства удовлетворения потребностей не будут распределены сообразно потребностям каждого, обеспечивая "довольство для всех."

Таким образом, Кропоткин, исходя из теории предельной полезности, связывает воедино общинные начала русской деревни с бунтарским движением международного пролетариата, осмысливая в то же время эту связь, опытным путем установленную Бакуниным.

Идея первенства потребления служит основою экономической политики и программы анархического коммунизма. "Отправляясь от потребностей личности, мы непременно придем к коммунизму, как наиболее полному экономическому средству для удовлетворения всех нужд человечества,"— говорит Кропоткин ("Хлеб и Воля"). "Коммунизм — общественная организация потребления," — говорит он в "Письмах о текущих событиях," — имея в виду, что производство служит средством для удовлетворения материальных потребностей. Этот принцип служит руководящей нитью при перестройке народного хозяйства после анархической революции.

"В политической экономии, — говорит Кропоткин, — следует прежде всего изучать главу о потреблении, а в революции первым делом ее будет перестройка потребления таким образом, чтобы пища, одежда, жилище были обеспечены для всех" ("Хлеб и Воля," 110 стр.). Все производство делится на две обширные группы: производство средств потребления (пища, одежда, жилище) и производство средств производства (угля, железа, машин и т. п.), которые служат средством для производства предметов потребления. Поэтому, первой задачей анархической революции после перераспределения всех богатств, т.е. всеобщей экспроприации, должна быть организация производства средств потребления и уже второй — производство средств производства.

Хозяйственный аппарат капиталистического общества должен быть разрушен до основания. Монополисты организуют народное хозяйство в своих корыстных интересах, совершенно пренебрегая потребностями обездоленных классов населения. Благодаря этому, — говорит Кропоткин, — "все наше производство принимает ложное направление. Промышленный предприниматель не заботится о потребностях общества, его единственная цель — увеличение барышей предпринимателя. Отсюда постоянные колебания промышленности и хронические кризисы, из которых каждый выбрасывает на улицу сотни тысяч рабочих" ("Хлеб и Воля," 16 стр.).

Таким образом, ряд отраслей промышленности окажется ненужными для анархического общества (военная промышленность, временно—предметы роскоши и т. д.), другие отрасли, обслуживающие наиболее насущные потребности обездоленных, должны будут расширить свое производство. Могут возникнуть и совершенно новые отрасли промышленности.

Старая капиталистическая система производства должна быть разрушена до основания. Она была приспособлена для извлечения прибылей монополистам и резко противоречит потребностям населения. Анархическая коммуна должна строиться снизу вверх, начиная с союзов потребителей, организующих собственными силами производство средств потребления (общины, — о которых Кропоткин говорит в книге "Хлеб и Воля"). Федерации таких союзов потребителей организуют производство средств производства. Таким образом, в анархической коммуне организация потребления будет служить основою для организации производства и последнее будет вестись применительно к потребностям обездоленных.

Руководящие принципы экономической политики анархического общества должны быть совсем иные, чем буржуазного общества. Борьба капиталистов из-за монополизации рынка побуждает их придерживаться политики концентрации капиталов и разделения труда.Умственный труд отделен от физического, а физический разделен на земле-

дельческий и промышленный, причем последний разделяется на большое число узко-специальных профессий, порабощающих душу и тело рабочего.

Анархизм, в целях приспособления народного хозяйства к потребностям обездоленных, политике концентрации капиталов противопоставляет децентрализацию промышленности.

"Прогресс лежит... в производстве для собственного потребления" ("Поля, Фабрики и Мастерские"), — говорит Кропоткин. Принцип децентрализации промышленности имеет в виду более или менее равномерное распределение ее по всему лицу земли. Фабрики и заводы должны быть превращены в мастерские, исключая те редкие случаи, когда концентрация вызвана техническими условиями, и каждый район должен стремиться к самостоятельному обслуживанию своих потребностей в продуктах промышленности.[2]

Другим руководящим началом экономической политики анархизма должна быть идея интеграции труда.

"Первое основание всякого дальнейшего развития... общества есть разнообразие занятий," — говорит Кропоткин. "Если в самые часы работы будет возможно работать в разнообразных отраслях произвдства... то этим достигнется... возможность расширить свои личные способности во всех направлениях" ("Хлеб и Воля," 142 стр.). "Хотя временное разделение труда остается пока вернейшей гарантией успеха в каждом отдельном предприятии, тем не менее, постоянное разделение должно исчезнуть и замениться разнородною деятельностью: умственной, промышленной, земледельческой... и т. д." ("Поля, Фабрики и Мастерские," 18 стр.).

Принцип интеграции труда при разделении его во времени должен уничтожить прикрепление человека к одной профессии на всю жизнь. Работая в земледелии, в разных промышленных мастерских и сочетая их с умственной деятельностью, соответствующей вкусам и склонностям каждого, человек перестанет быть вечным каторжником, прикованным цепью к своей профессиональной тачке. Он впервые станет личностью.

Проведение принципов децентрализации промышленности и интеграции труда уничтожит существующее ныне противоречие между городом и деревней. Город каменный со скученным населением, вырождающимся благодаря неблагоприятным условиям существования, как равно и деревня, с ее притупляющим однообразием жизни, должны раствориться в системе городов-садов, около которых, сгруппированы разнообразные мастерские, сады, пашни, огороды и т. п. Идеал Кропоткина совпадает с идеалом предшественника анархизма — Шарля Фурье, который мечтал о роскошных фаланстерах, окруженных садами, огородами и мастерскими, где работают их обитатели, меняя занятия через короткие промежутки времени.

Далее, рост машинного производства, при наличии интеграции труда, приведет человечество не к освобождению труда, а к освобождению от труда. "Развитие техники... даст человеку возможность освободиться от рабского труда," — говорит Кропоткин ("Этика," 4 стр. Изд. "Голос Труда"). Машина возьмет на себя труд тяжелый и однообразный, а человек станет свободным художником, получающим такое же наслаждение от своей творческой деятельности, какое получали в средние века некоторые ремесленники-художники.[3] Таковы основные положения экономического учения П. Кропоткина и некоторые вытекающие из них выводы.

Не только друзья Кропоткина, но даже и враги его принуждены признать это в его учении. Другие течения анархической мысли, поскольку они не принимают целиком экономического учения Кропоткина, представляют собою нечто недоразвитое, половинчатое, представляя сделку между его учением и буржуазными учениями (индивидуализм), или марксизмом (синдикализм).

В наши же дни экономическое учение Кропоткина служит той неприступной крепостью, опираясь на которую анархизм не только отстаивает свою независимость, но и завоевывает свое будущее. Для нас оно является той путеводной звездой, руководствуясь которой мы никогда не рискуем сбиться с прямой дороги, ведущей нас к наиболее возвышенным и красивым идеалам, когда-либо стоявшим перед взором исстрадавшегося человечества.

[2] По вопросу о децентрализации промышленности, см. анархические работы: А. Карелин — "Политическая Экономия"; В. Черкезов — "Доктрины марксизма"; И. Хархардин — "Кропоткин, как экономист."

[3] Идею замены труда творчеством защищает Оскар Уайльд — "Душа человека при социализме"; Вильям Моррис—"Вести Ниоткуда"—и некот. др.

ВОСТОК И ЗАПАД

На страницах газет и журналов все чаще появляются "подсчеты сил" Востока и Запада. Подсчеты производятся в материальных величинах, пренебрегая величину духовную, идейную, каковая уже во второй мировой войне играла не последнюю роль. В грядущей третьей мировой войне преобладающим фактором, вне всякого сомнения, будет идея. Мало идти воевать против, но безусловно надо знать за что. "Подсчеты сил," по моему мнению, имеют один существенный недостаток, а именно: все они базируются на далеко неточных данных, т.к. ни одно правительство не оглашает никогда количества своих вооруженных сил, а сведения, добытые "иными путями," — оглашению не подлежат.

По моему личному мнению, вернее было бы учитывать потенциальные возможности стран, принимая во внимание степень технического развития промышленности каждой страны, ее природные богатства и жизненный уровень населения. Надо не забывать, что Восток и Запад диаметрально противоположны в формах политического правления населением. На Западе — демократия, а следовательно, возможность у населения выражать свои мнения и, при несогласии с действиями правительства, об'являть даже и забастовки. На Востоке этого нет, да и быть не может, т.к. там царит диктатура над пролетариатом. Степень цивилизации на Западе выше, чем на Востоке, но это обстоятельство снижает выносливость населения в житейских невзгодах. Потенциальные возможности (естественные богатства) Востока — значительны, но не в такой степени разработаны, как у Запада, вследствие интенсивности и продолжительности развития промышленности на западе. Запад принужден вести усиленную торговлю, продавая изделия своей промышленности и приобретая продукты питания для своего населения, а также сырье для промышленности. Поэтому Запад всегда озабочен рынками сбыта для изделий своей промышленности. Восток, в ущерб жизненного уровня своего населения, вывозит продукты питания в целях пропаганды. Ввозит Восток недостающее ему количество сырья и оборудование для промышленности в значительно меньшей степени и только для 'определенных целей."

По сведениям американского журнала "Айрон Эйдж," за 1951 г. во всем мире было выплавлено стали 224.7 миллионов тонн. Из нижеприведенной таблицы видно количество выплавленной стали по странам:

Страна	Милл. Тонн	Проценты мирового производства
США	105.2	46.7
СССР	34.0	15.2
Англия	17.6	7.9
Зап. Германия	14.2	6.4
Франция	10.7	4.7
Все другие страны	43.0	19.1
Всего в мире	224.7	

Угля, основного вида топлива для промышленности, было добыто в СССР примерно, — 280-300 милл, тонн. В Англии было добыто угля 216 милл. тонн, что составляет по 4 тонны на каждую душу населения. Это единственная страна в мире, в которой добыча угля на душу населения достигла такой величины. Примерно, 17% из общей добычи угля в Англии, т.е. около 37 милл. тонн, было продано населению для нужд отопления, а остальное количество использовано для потребностей страны: электроэнергия, газификация, промышленность и транспорт (железнодорожный и морской), и для продажи заграницу. Несмотря на большое количество угля добываемого в Англии, она принуждена покупать уголь в США и в Польше, дабы не утерять рынка сбыта для своего угля. На Востоке, вследствие продолжительного холодного времени года и из-за незначительной газификации, потребность в топливе для домашних нужд населения гораздо значительнее, чем на Западе. На Востоке имеет широкое применение, так называемое, "местное" топливо, т.е. топливо добываемое на местах. Отопление производится дровами, торфом, соломой, горючими сланцами, стеблями растений (кукурузы, подсолнечника) и

Экономическое учение Кропоткина составляет бессмертную его заслугу перед настоящими и будущими поколениями рода человеческого и представляет тот культурный памятник, тропа к которому не зарастет, пока в человеческой груди будет биться горячее сердце.

В. Худолей

смесью рубленой соломы с экскрементами домашнего скота ("кизяк").

Нефти было добыто в СССР 42 миллиона тонн. Страны западной Европы нефтью не обладают, а ввозят ее из других стран, расположенных на значительном расстоянии, что в свою очередь повлечет "значительные затруднения" в случае войны. США нефть имеют, и, кроме того, доставка нефти в США из других стран (Мексико, Венецуэла) будет облегчена отдаленностью театра военных действий. "Белым углем," т.е. электрической энергией, добываемой на гидро-электрических станциях, — Восток богаче Запада по мощности установок. Италия и Швейцария имеют гидро-электрические станции, но сравнительно небольшой мощности, а в других странах западной Европы их мало, да и мощность их невелика. США имеют гидро-электрические станции большой мощности, что и дало возможность произвести расщепление атома.

Людскими резервами Восток превышает Запад, но количество не всегда величина постоянная, т.к. неизвестно настроение народа. Конечно, каждое правительство интересуется мнением и настроением своего народа, а "правительственная партия" — в особенности. Несмотря на "любовь и преданность" к "партии и правительству," в июне месяце 1941 г. народ не пожелал воевать. Каково будет отношение народа в грядущую третью мировую войну — гадать трудно, ибо у народа есть опыт "освобождения" со стороны западной Европы. Возможна и революция в СССР, особенно, если последуют два, три крупных поражения на фронте. Если судить по выступлению бывшего майора советской армии, П. Белова, недавно перешедшего в американскую зону Германии и выступавшего на пресс-конференции в Франкфурте 2-го апреля, 1952 г., то солдаты советской армии воевать будут не только против врага внешнего, но и против врага внутреннего, т.е. "партии и правительства." Может быть это и есть одна из причин заставляющая "отца народов" (Сталина) воздерживаться от того, чтобы сделать "первый шаг."

У Запада также отсутствует понимание Востока, т.к. Запад — материалистичен, а Восток — духовен. Это различие в миросозерцании, по моему мнению, может сыграть роль и даже, может быть, роковую роль в приближающейся третьей мировой войне. Никто из народов Запада, да и всего мира, не знает, как существует житель Востока, ибо у себя они видят только советскую "аристократию," а приезжая в СССР, они видят то, что им видеть разрешается, и общения с народом они иметь не могут. То, что публикуется в прессе СССР, на Западе воспринимается, как действительность. Если совопоставить жизненный уровень времен царизма в 1913 г. с 1950-ым годом Сталинского режима,—получается незавидная картина: В 1913 г. населения в России было 130 миллионов душ, количество крупного рогатого скота составляло 60 милл. голов, овец — 112 милл. голов и было собрано зерна (пшеницы и ржи) 80 милл. тонн. В 1950 г. в СССР было населения 205 милл. человек, количество рогатого скота составляло 57 милл. голов, овец — 99 милл. голов, а зерновых хлебов собрано — 125 милл. тонн. У читателя, невольно, появляется вопрос: если народ был недоволен жизненными условиями царизма, какже он может быть удовлетворен худшими условиями при Сталине, поддержав революцию в 1917 году, разве народ не поддержит революцию теперь?

Великая Российская Революция 1917-1920 годов также, как и ее далекая предшественница, Великая Французская Революция 1789-1793 годов — были народными революциями. Это были революции идейные. Главной движущей силою в народе была **идея.** Идея равноценности личности человека, независимо от расового, национального, или классового происхождения. Идея, выраженная тремя великими словами: Свобода, Равенство и Братство. Эта идея была близка к осуществлению в России, и было трагично не только для русского народа, но и для всего мира, что усилиями политической партии Большевиков, народные чаяния были заглушены строением и защитой "пролетарского отечества."

Голод дает человеку толчок к борьбе за хлеб, но это сдвиг временный и легко удовлетворимый. Самым мощным двигателем человека на пути прогресса является идея; ее воздействие на умы и действия людей постоянны. Великая истина: "Не хлебом одним жив человек," — была провозглашена почти две тысячи лет тому назад. Если Запад не осознает этого, если Запад не будет руководиться идеями свободы и равенства, — ему не победить Востока, хотя идеализм Востока в настоящее время на низком уровне, подавленный колоссом Государства и Диктатуры.

П. Седой.

Исторический Отдел

ПОСЛЕ РАЗДЕЛА ПОЛЬШИ

II

В больших городах польских областей, "освобожденных" красной армией, валяются сотни тысяч беженцев на вокзалах, в корридорах общественных учреждений, на улицах, просыпая ночи на крыльцах домов, пробуя прикорнуть вообще где попало. Многие ушли в деревни или местечки, где было всетаки легче получить хотя бы крышу над головой. Среди беженцев находится также привиллегированная группа — бывшие политические заключенные, которых советская власть взяла под свое покровительство. Для них устроены столовые, и по сравнению с другими беженцами их положение довольно хорошее. Эта группа распадается на две категории: привиллегированные, которые когда-либо сидели в тюрьме за политическую деятельность, и более привиллегированные, которые только что вышли из тюрьмы, т.е. во время войны. Формально к этой организации могут принадлежать все бывшие политические заключенные, независимо от их идеологических убеждений, если только они — антифашисты.

Я с женой находился в Белостоке. Формально мы оба имели право принадлежать к более привиллегированным, ибо оба мы вышли из тюрьмы во время войны: я вышел 7 сентября из тюрьмы в Варшаве, а жена — после перемирия, т.е. 30 сентября. Оба мы сидели за антифашистскую деятельность, но с той разницей, что мы — не коммунисты. Мы пошли в помещение бывших политзаключенных, которые вышли из тюрьмы во время войны, и встретили там несколько товарищей последнего заключения, а также и прошлых лет. Они отнеслись к нам довольно дружелюбно. Иначе заговорила начальница, у которой мы должны были зарегистроваться.

"Пока можете здесь побыть; но так как вы — анархисты, то я должна о вас специально осведомиться у некоторых лиц."

Два дня спустя, она заявила нам:

"Вы можете здесь быть, но вы не имеете всех тех прав, которыми пользуются другие бывшие политзаключенные. Например, получите работу в последней очереди, вы не будете получать материальной поддержки, как другие, не можете участвовать в устраиваемых нами вечерах и т. д. Можете пока здесь есть и спать, но не знаю, как долго; разве только признаете, что ваша идейная установка была неверна и вредна."

Мы ответили, что не желаем принадлежать к организации, где будем членами низшего уровня, и пока не имеем основания утверждать, что наши идейные убеждения— неверны и вредны. Мы ушли в местечко Супрасл, 16 км. от Белостока, где находилось несколько сот беженцев.

После "снисхождения" советского правительства к просьбе "новоизбранных" депутатов о включении "освобожденных" территорий в состав СССР быстрым темпом началось введение советских порядков: десятки тысяч мирных людей арестовываются и ссылаются. А до включения вербовали беженцев на работы в СССР. Изнуренные люди считали это за великое счастье, ибо верили, что в России они найдут новый домашний очаг и нормальную жизнь. Большие эшелоны рассылались в разные части необъятной "родины."

И у нас в Супрасле ждали момента посадки. За два дня перед назначенным сроком отбываются собрания, на которых выступают специально присланные ораторы, и кое-кто из беженцев. От агитационных речей, рисующих блаженства, которые ожидают нас в СССР, слушатели пьянеют и разгораются желанием поскорее попасть туда. К великому празднику выезда притотовляются красные флаги, которыми декорируются и вагоны поезда. 5 ноября прибываем на станцию; теснота неописуемая, беженцы и красноармейцы буквально лежат друг на друге. Поезда ждали мы целую ночь, он прибыл под утро, а после "погрузки" ждали еще целый день до выезда. И потянулась цепь грязных вагонов с массой мучающихся в тесноте людей, но никто не жалуется — война. Мы довольны, что имеем хотя бы крышу над головой, тем более, когда в ушах звучат еще обещания более спокойной, нормальной жизни в СССР.

Как города и села, так и железные дороги переполнены войсками и военными транспортами. Передвижение же штатского населения ограничено, и на каждой маленькой станции приходится ждать часами, а на больших — наш ешелон стоит иногда целые сут-

ки. На станциях беседуем с красноармейцами. Больше всего нас интересует, — хватит ли для всех работы? Солдаты смеются: захотите только, а работы хватит, и тоже "обещают" нам "золотые горы." Все это еще более усиливает наше желание попасть поскорее в СССР, но, к сожалению, поезд идет всегда по два-три часа в сутки, — хоть пешком беги. Наконец, поздно вечером, в половине ноября 1939 г. начинаем встречать вдоль железной дороги пятиконечные звезды, выложенные из камешков. Раскрываем широко двери вагонов и смотрим в темноту ночи, но, кроме пятиконечныж звезд, ничего не видно, все же мы продолжаем стоять у дверей и напрягать зрение. Поздней ночью мы прибыли к первой ж-д станции на советской стороне старой границы, в Негорелое.

В 1925-28 гг. в Польше была очень популярна книга польского романиста Стефана Жеромского "Przedwiosnie" (Канун Весны или Накануне Весны), в которой автор описывает жизнь польской аристократической семьи, находящейся во время войны в России. Старший сын принимает активное участие в революционных кругах и событиях. После смерти матери отец с сыном возвращаются в Польшу: сын — революционер, а отец — польский патриот; в дискуссиях отец рисовал сыну счастливую жизнь в освобожденной независимой Польше и, между прочим, говорил, что в вольной Польше строят для народа стеклянные дома. (Описание стеклянных домов прекрасное и осталось в памяти всех, кто читал эту книгу.) Но когда отец с сыном переехали на польскую сторону и сын вместо стеклянных домов увидел низкие, сгорбленные, полуразрушенные халупы, он спросил: "Отец, где же стеклянные дома?"

Среди беженцев, едущих в СССР, было много активных идейных коммунистов и "симпатиков," были и такие, которые относились критически к некоторым поступкам советского правительства, но большинство беженцев было убеждено, что Советский Союз более прогрессивен экономически, политически и культурно, нежели капиталистические страны. В первом же советском городке мы увидели "настоящих советских людей": большинство жителей носит вместо ботинок — лапти, вместо костюмов, мы с изумлением видели на большинстве людей — заплатанные ватные брюки и фуфайки, под фуфайками у некоторых видны были сомнительной чистоты рубахи из грубого мешочного полотна, а у других и того не было; мужчины—с обросшими кудлатыми бородами, на головах — старые ушанки. Вообще мужчины производили впечатление каторжников или бурлаков, каковых показывали обычно в фильмах. Одежда женщин не многим отличалась от мужской: такие же самые лапти и фуфайки. Все это видели только критически настроенные беженцы, а те, у кого головы были еще забиты пропагандой, видели только громадные орудия, огромные танки и большие тракторы, которых в Польше не было; они видели дружелюбных красноармейцев, которых не приходилось бояться, как немцев. Им казалось, что они видят все именно так, как им описывала коммунистическая пресса и о чем они слышали от ком. ораторов.

Кто имел открытые глаза, тот имел и открытые уши: они видели и слышали, как местные жители приходили спрашивать у беженцев, не продают ли они что-либо — брюки, рубахи, ботинки и т. п. Все время, пока поезд стоял, шла оживленная торговля старой одеждой. Беженцы продавали дорого, согласно официальному курсу: один злотый за один рубль, но после сделки покупатели благодарили и жали руки продавцов. Беженцы не понимали, почему советские органы снабжения не присылают товары в пограничный городок. Разве жители здесь хуже, чем в других местах? Никто, однако, еще не обвинял советскую власть. Во время стоянки мы получили бесплатно продовольствие, правда, немного и не первого качества, но большинство беженцев были люди без денег, и это снабжение спасало их от голода.

Через несколько дней мы тронулись дальше вглубь страны. Везде такие же самые люди, в перезаплатанной одежде, и всюду спрос покупить старые вещи. Несмело перед нами вставал вопрос: не жили ли мы до сих пор в заблуждении? Те, которые читали "Przedwiosne," спрашивали: "Где же стеклянные дома?"

П. Дикштейн.

Народы смешиваются с народами, как ручьи с ручьями, как реки с реками, и, рано или поздно, все народы сольются воедино так же, как все воды ручьев, речек и рек смешиваются в море.

Всякое дерево приносит свои плоды, и всякое правительство неизбежно порождает произвол, тиранию, преступление, убийство и несчастия.

Э. РЕКЛЮ

ТАЙНЫ ДЕВЯТОГО ОТДЕЛА

(Окончание)

В расписание политподготовки был введен специальный предмет: "Как захватить шпиона." IX отдел инструктировал руководителей этого предмета и политруки совершенно серьезно сообщили красноармейцам такие легенды, что у самых хладнокровных служителей кружились головы. Вот некоторые из них:

1. С военным пилотом Н... познакомилась барышня, которая настойчиво хотела подняться в воздух. Потерявший бдительность летчик удовлетворил ее желание и посадил в кабину самолета. Когда машина пролетала над военным объектом, то барышня, оказавшаяся польским военным шпионом, сфотографировала секретные сооружения объекта.
2. Младший командир С... познакомился с актрисой — немецкой шпионкой. В ресторане после изрядной выпивки актриса пожелала выпить с кавалером на "брудершафт." Другой шпион произвел в этот момент фотоснимок влюбленной пары. Через несколько дней командира письмом вызвали на одну квартиру и заявили, что они (шпионы) имеют фотоснимок, компрометирующий его, как военнослужащего Красной Армии. — "Но мы уничтожим снимок, — сказал руководитель шайки, — если вы нам представите полный список командного и начальствующего состава вашего полка." Испугавшись ответственности, мл. командир С... выполнил заказ врага.
3. В Москве на Красной площади был задержан польский шпион, у которого в пуговице пальто находился микроскопический фотоапарат.
4. На границе органы ГПУ арестовали дипломатического шпиона одного капиталистического государства с донесением, что в Красной Армии в каждом подразделении (начиная от взвода) имеется один иностранный шпион русского (?) происхождения.
5. Органами ГПУ вскрыта в Белорусском военном округе (командир Корк) группа шпионов-националистов, которая распространяла слухи о продовольственных трудностях в колхозной деревне.

Всей этой чушью забивались головы красноармейцев, чтобы посеять среди них взаимное недоверие и локализовать возможность коллективных антисоветских выступлений в армии. Комиссары частей жаловались в IX отдел, что иногда на груповых политзанятиях возникало "нездоровое оживление." Наивные первогодники, вместо того чтобы вникать в механизам розыска, задавали глупые вопросы по существу. Например: Сколько снимков делает микроскопический фотоаппарат? Почему такие аппараты не продаются в магазинах "Динамо"? Какое жалованье получает иностранный шпион? И т. д. Эти вопросы путали политруков и отвлекали их от основной задачи.

Иногда шпиономания принимала совершенно анекдотические формы. Красноармейцы и курсанты, опоздав на 20-30 минут из городского отпуска и зная, что за это грозит суровое наказание, оправдывались перед дежурным командиром тем, что они... выслеживали шпиона. Такой метод облетел весь гарнизон и особенно привился в военных училищах, где курсанты имели хорошее обмундирование и любили подольше погулять по Крещатику. Дежурные командиры, боясь прослыть "близорукими," охотно отмечали в увольнительных записках опоздавших: "Явился во-время."

Однажды член Военного совета Дубовой произвел инспекцию в школе связи им. Калинина и выяснил, что около 100 курсантов находятся в "самовольной отлучке." Говорили, что дневальный отрапортовал Дубовому: "Тов. командир! В школе никаких происшествий не случилось. Все налицо, за исключением одного батальона, который побежал за шпионами!" После этого скандального случая в приказе по частям гарнизона было объявлено "Об индивидуальном следствии по каждому случаю опоздания из городского отпуска." Еще интереснее поступили курсанты артиллерийского училища: они задержали на Владимирской горке главу Украинского правительства Постышева, заподозрив его в иностранном шпионаже.

Охота за Человеком

В середине 1933 г. каждый день приносил что-нибудь потрясающее. IX отдел выходил из себя. Был объявлен приказ № 101 о сокращении частной переписки. Мотивировалось это невероятное в мирных условиях мероприятие тем, что письма попадают в руки классовых врагов и они используются в ущерб государству. Это называлось "сохранением военной тайны."

Вся система вооруженных сил РККА тряслась, как в лихорадке. Дошло до того, что на гражданской почте от красноармейцев не принимали денежных переводов и не выдавали заказных писем. В ротах появились многочисленные "самозастраховщики," бегавшие к комиссару с доносами на своих товарищей. Другие хвастались тем, что, прогуливаясь на окраине города, они наталкивались на шпионов. Мне в руки как-то попал красноармейский политучебник, выпущенный Воен-издатом г. Харькова. В перемежку с цитатами из Ленина и Сталина в нем подавались рецепты "современного шпионажа": "Будь внимателен. Старайся запоминать внешность незнакомых подозрительных людей. Будь сдержан, не болтай, избегай вмешиваться в споры, всегда оставайся холодным наблюдателем. Старайся быть незаметным там, где заметен облик врага." В конце этого учебника давался обобщеный анализ пройденного и задавался такой ВОПРОС: "Может ли обратиться боец с докладом (доносом) к политическому руководителю, если он не уверен в своих выводах, если он построил эти выводы на мелких и как будто неубедительных фактах?"

ОТВЕТ: "Да, не только может, но и обязан. Политический руководитель сам разберется в этих фактах и не следует бояться или относиться с брезгливостью к мелочам." В конце раздела о шпионаже автор добавлял: "Иногда в мелочах скрывается измена воинской присяге и другие преступления, направленные против советского государства."

Стараниями IX отдела создавалась видимость, что весь личный состав армии, от повара до командар-

ма, ловят шпионов и работают на ГПУ. Но самое страшное заключалось в абсолютной неизвестности. Арестовывались, уничтожались десятки тысяч людей, но никто своими собственными глазами не видел ни одного настоящего шпиона. Никто не видел плодов подрывной деятельности врагов народа.

За два года сильнейшего всесоюзного террора я не помню в нашем округе ни одного открытого процесса против шпионов. Похоже было на то, что все — шпионы и среди них — ни одного шпиона.

"Язык за Зубами"

Однако, ликвидируя частную переписку военнослужащих, IX отдел заполнил этот пробел перепиской по заказу:

Посыпались коллективные письма из фабрик, заводов, институтов, средних школ и пионерских отрядов. В этих письмах с неразборчивыми подписями писали о саботаже кулачества, о попах, диверсантах, о детях, которые, жертвуя своей жизнью, спасают тонны государственного хлеба и т. д. Один замполитрук получил от сына письмо, в котором... пятилетний ребенок писал отцу:

"Папа,... мы поймали в лесу около мельницы шпиона с большой черной бородой. Он давал нам конфеты и просил показать дорожку, которая идет в Москву. Мы сразу догадались, что это нехороший человек и позвали дядю Сеню, который служит в милиции. А конфеты мы не ели, а выбросили в речку."

На текстах таких наивных писем комиссар строил очередную полит-информацию. Иногда дело доходило до курьезов... Татарин-красноармеец получил из родного села письмо, в котором замляки писали, что у соседа, кулака Ибраимова, найдено под полом... 200 цетнеров пшеницы, которую он утаил от хлебосдачи.

Представьте себе удивление этого татарина, который родился и вырос в местности, где никогда не сеяли хлеб, а выращивали только табак и виноград. Таких курьезов были тысячи, и за них как правило расплачивались не авторы из IX отдела, а адресаты, которые критиковали письма и не умели держать язык за зубами.

В Кабинете Комиссара

Пожалуй, одним из самых дьявольских изобретений IX отдела являлась "Инструкция о политической профилактике рядового и начальствующего состава РККА." Согласно этой инструкции, каждый день комиссар части или компслит вызывали отдельных военнослужащих в свой кабинет и беседовали "с глазу на глаз."

Часто после таких бесед бойцов куда-то откомандировывали и обратно в свое подразделение они не возвращались. Создавалось такое впечатление, что никаких тайн больше не существует, и комиссар знает все, что бойцы утаивали от своей родной (?) советской власти. Людей это сильно нервировало. Какое-то безумие охватывало их и ломало самых крепких.

Некоторые теряли голову и, не ожидая официального приглашения, шли в кабинет каяться. "Грехи" почти у всех были одинаковые: у одного раскулаченная тетка, у другого брат-петлюровец расстреляный 15 лет тому назад, у третьего отец в 1915 году торговал церковными свечками, у четвертого дядя за границей...

Все эти "страшные преступления" немедленно фиксировались, копия шла в IX отдел, а сами "преступники" поступали в распоряжение особого отдела. Одни из них демобилизовывались из армии по статье 58-й, как социально чуждые; они всю жизнь влачили жалкое существование, так как 58 статья закрывала им доступ к квалифицированной работе, учебе и перемене местожительства, а других "менее счастливых" арестовывали и ссылали на 5-8 лет в исправительные лагеря. Достаточно было иметь нательный крест на шее, чтобы обвинили в моральном разложении и дали полную "пятерку" (5 лет лагерей).

Вальс над Могилами

Главное усилие IX отдела сводилось к тому, чтобы вокруг военнослужащего создать пустоту, дабы он острее чувствовал свое одиночество. Таких людей легче сгибать, и такие люди, как правило, не склонны к активному сопротивлению.

Часто глядя из окна штаба на колонны бодро марширующих войск, я задавал себе вопрос: где, в какой стране есть еще более одинокие и более несчастные люди?

Однако, в конце концов и к одиночеству IX отдел стал относиться с подозрением. И в противоположность прошлым годам стали поощряться связи между военными и женщинами, проживающими в районе расположения части. При полках, школах и дивизионах были организованы специальные "комнаты для свиданий." В них часто появлялся комиссар соединения и очень любезно беседовал с гостями. Все это было сделано так ловко, что никто не заметил руки IX отдела.

Одновременно были неофициально отменены наказания красноармейцев, заболевших венерической болезнью. Санитарные части получили обильное количество предохранительных средств, включая презервативы и знаменитие "торпеды." Появились сильно-действующие таблетки против гонореи.

Каждый боец, вернувшийся из города, подвергался обязательному медицинскому осмотру, который производили полуграмотные "лекпомы," прошедшие трехмесячное обучение в санитарных школах. Осморт был настолько груб и унизителен, что самые культурные и сдержанные красноармейцы махнули рукой и шли к проституткам.

Попутно с этим по частям и отдельным соединениям стали организовывать танцевальные вечера и семейные встречи. Называлось это "культурной смычкой" с населением. На вечера охотно приходили всегда недоедающие студентки, школьницы, домработницы и просто девицы легкого поведения. По крайней мере здесь было уютно, тепло, играл оркестр и можно было купить в буфете булочки и выпить стакан настоящего сладкого чаю.

В то время, как вокруг Киевского вокзала вечером лежали на земле умирающие люди, в залах воинских частей весело играли вальсы, танцевали и развлекались. В читальнях, буфетах и коридорах быстро завязывались нежные романы с податливыми киевлянками. Люди брали жизнь такой, какой она есть.

И опять IX отдел преуспевал: влюбленные, привязанные к женской юбке, бойцы были менее опасны, чем одинокие, озлобленные люди, потерявшие веру в справедливость советской власти.

Такова неполная картина той обстановки и условий, которые определяли состояние армии и флота в страшный период "сплошной коллективизации."

И. Дж...

КООПЕРАЦИЯ, КАК СРЕДСТВО БОРЬБЫ С БЕЗРАБОТИЦЕЙ

Уже с давних пор городским безработным рекомендуется покидать города и заниматься сельским хозяйством на кооперативных началах. Эта, так называемая внутренняя колонизация, которая особенно в последнее время подвинулась вперед в Италии и в Германии, привлекала не только сельскохозяйственных, но отчасти и индустриальных рабочих.

Однако, городские рабочие по большей части мало приспособлены к сельскому труду, а что еще печальнее, их городская и пролетарская психология редко примиряется с сельской обстановкой. Поэтому, для таких рабочих легче остаться в городе и предпринять там что нибудь на кооперативных началах.

К сожалению, наиболее подходящая в данном случае форма, а именно, производительная кооперация, является самым трудным видом кооперации, ибо требует выучки, дисциплинированности и даже самоотверженности на первое время. Эта форма кооперации старше, чем потребительская кооперация и все же она далеко отстала от последней.

Тем не менее, производительная кооперация в промышленности является и до сих пор излюбленной формой не только среди рабочих, но и в среде беллетристов, сердцу которых близки интересы безработных. Так известный французский романист, Эмиль Золя, описывает производительную кооперацию в своем романе "Труд." Недавно появившийся в немецком переводе роман известного американского беллетриста, Оптона Синклера, под названием "Ко-оп," изображает производительную кооперацию, как средство разрешения проблемы безработицы: Группа безработных в Калифорнии учреждает центральное кооперативное общество, которое находит работу и, вместе с тем, снабжает рабочих всем необходимым, устраняя из оборота деньги и вводя "чеки," которые рабочие получают за свой труд, обменивая их затем на продукты продовольствия. В настоящее время в Калифорнии существует организация, подобная описанной в превосходном романе Синклера. Аналогичная же организация, не только для безработных, а вообще для всех, уже несколько лет экспериментируется в канадском штате Альберте.

Есть примеры весьма удачного функционирования производительной кооперации среди безработных и в Европе. Так в Англии двое безработных учредили несколько лет тому назад в Южном Уэльсе "Общество для самообеспечения на кооперативных началах." Путем лекций и сбора пожертвований им удалось получить некоторую сумму, на которую они купили полуразрушенную пивную фабрику. С помощью других безработных они ремонтировали это здание и устроили в нем центр для всевозможных работ: тут имеются мастерские для ткачей, портных, сапожников, вязальщиков, кузнецов и столяров, во главе которых стоят платные мастера. Эти мастера выполняют очень важную функцию обучения безработных, по большей части чернорабочих, новым ремеслам, и теперь уже можно констатировать успешность такого обучения. Кроме того, описываемое общество с его 280 безработными членами, из которых 260 — семейные, взяло на себя еще другую важную задачу: были устроены пекарня и мельница и открыт магазин, в котором сосредоточены продукты собственного производства. Наконец, общество занялось и сельским хозяйством. Во главе стоит один из основателей общества, Форрестер, а руководители групп выбираются самими безработными на ежемесячных собраниях.

Общество издает ежемесячный орган и, кроме того, организует вечерние лекции и концерты, духовно об'единяющие членов. Рабочие застрахованы от болезни и несчастных случаев, они имеют восьмидневный отпуск ежегодно, с отправкою на море с семейством, где они устраиваются в палатках.

Вступление и выход из общества свободны. Рабочее время урегулировано, пища хорошего качества и, вместе с тем, дешева.

Цель описанного кооператива — организовать безработных так, чтобы они сами производили все нужное для своей жизни. Плату получают только мастера, а безработным таковая не выдается, ибо они уже получают, как безработные, пособие от государства. Продукты кооператива распределяются между членами по себестоимости. Цены, вследствие отсутствия заработной платы, предпринимательской и торговой прибыли, много ниже рыночных.

Обществу пришлось преодолеть ряд препятствий со стороны коммунистов, торговцев и вожаков профессиональных союзов, но благодаря солидарности большинства членов, происки противников ни к чему не

ВЕСТИ ИЗ ФЛОРИДЫ

На фарме Лайв Оак тихо и жарко. Кончились помидоры, кукуруза и кое какие другие овощи, но морковь, свекла и лук все еще растут и употребляются.

Оставшийся в роли сторожа, К. Г., чувствовал себя довольно хорошо, но в последнее время жалуется на приступы одышки и ему необходимо помочь переехать в более сухой климат Аризоны, Новой Мексики или Калифорнии.

Всякая строительная и общественная деятельность естественно прекратилась с отъездом гостей и рабочих членов Колонии.

Делаются приготовления к следующему сезону: призываются люди на постоянное жительство, приготовлены планы для проведения дороги и устройства пляжа и пристани на большом озере а также и немедленного ремонта театра.

Снова нужны средства, снова нужен товарищеский труд для намеченных необходимых работ, а отклики на призыв инициаторов — слабы и медленны.

Необходим и небольшой ремонт двух других бараков, хотя бы временного характера, для защиты их от разрушительного влияния погоды.

Многие приветствуют начинание в Флориде, пишут о своем желании примкнуть к намечающемуся кооперативу — позднее, готовы оказать и помощь денежную, — тоже позднее... Надеемся, — не опоздают!

Из израсходованных 41-ой тысячи долларов, за исключением менее полторы тысячи, средства употреблены на покупку земли, ремонт зданий, обмеблирование 25-и комнат, на грузовик, машины и т. п.

Кроме своих близких друзей, никому не должны; никто не получает процентов на вложенные деньги, никто не ищет наживы.

Было бы нежелательно делать заем в банке, но если не будет помощи от товарищей, мы должны будем это сделать, чтобы не допустить порчи построек, чтобы дать больше удобств своим членам и гостям.

Так, или иначе, нам, знакомым с фактами жизни во Флориде и с деловыми условиями Лайв Оак Фармы ясно, что успех предприятия несомненен, как несомненно и то, что идея необходимости общественного культурного поселения, где люди могли бы воспитываться в духе свободной кооперации и свободных взаимоотношений — верна и привлекательна.

"Знание и труд — все перетрут." Спешите помочь добрым словом, советом, трудом и копейкой.

Инициаторы колонии в Флориде.

привели, и общество находится в цветущем состоянии.

Пример описанного кооператива, который не только является производительным, но, так сказать, интегральным кооперативом, т. е. кооперативом со многими функциями, может быть рекомендован для подражания на континенте Европы и в Америке.

Таким образом, до некоторой степени разрешается вопрос о кооперативной организации безработных, которые при настоящей капиталистической системе всегда на лицо и не исчезают даже, когда проходит кризис, ибо не все индустриальные рабочие находят работу у капиталистов на фабриках даже и во времена "просперити" (благоденствия).

Проф. В. Тотомианц.

Венок на могилу

3-го мая сего года скоропостижно умер Яков Иванович Кульгавчук. Покойный родился в деревне Козлы, Пружанского уезда, Гродненской губернии в 1891 г. В Канаду приехал в 1913 г. Жил и работал Яков Иванович все время на бумажной фабрике и тяжелым трудом подорвал свое здоровье. В общественной жизни любил и поддерживал анархическое движение и с любовью читал журнал "Дело Труда-Пробуждение."

Скоропостижная смерть вырвала из наших рядов чуткого и замечательного товарища, любившего людей и относившегося гуманно даже к своим идейным противникам.

Вечная память дорогому товарищу.

Джек Кульгавчук.

Наше движение потеряло двух деятельных работников: В. Донченко и М. Вороновича из штата Конектикут.

К крайнему сожалению Ред. Коллегия, по независящим от ее обстоятельствам, не имела возможности получить их некрологи. Они будут помещены в следующем номере.

Ред. Коллегия.

На Правах Дискуссии

ПРЯМОЙ ОТВЕТ НА ПРЯМОЙ ВОПРОС

"ЗА" и "ПРОТИВ"

В эмигрантской печати, особенно в "НРС," велась и ведется широкая полемика о назревающей войне. Одни утверждают, что война, даже если она принесет освобождение народам России от большевизма, не желательна, вредна, преступна, что народы России "вырастут" и сокрушат большевизм без толчка извне. Другие, более знакомые с практикой большевизма, отвечают, что в условиях тоталитаризма не возможна никакая освободительная борьба, и спасение от большевизма может быть лишь во внешнем вмешательстве. Первую точку зрения отстаивают люди, избежавшие по воле судеб все ужасы второй мировой войны, наблюдавшие ее со стороны из нейтральных государств, или из "американского далека," практически в ней не участвовавшие, хотя каждого по своему война как то коснулась. Их оппонентами оказались бывшие Ди-Пи, перенесшие на своих плечах всю тяжесть войны, концлагерей, плена и беспризорнаго ди-пийского скитания по Германии и Австрии после союзной победы. Уж кому бы лучше знать, что несет война, как не этой категории?! А вот, поди же, как раз эти люди оказались в рядах "поджигателей войны" по образному выражению кремлевских "миротворцев." Война — зло, несчастье, преступление, — говорили они, — но иного пути к освобождению России от большевизма нет; так уж лучше воевать с большевизмом, чем допускать дальнейшие страдания народов России. В процессе новой войны народ возстанет против большевизма и ударами изнутри завершит то, что начато внешними ударами.

Война принесет неисчислимые жертвы с обеих сторон, — отвечали первые. Пускай, — говорили вторые, — мирное существование большевизма уносит еще больше жертв: за время своего владычества большевики уничтожили не менее 50 миллионов населения в "трудовых лагерях" и застенках ГПУ-НКВД. Что же лучше: допустить гибель новых миллионов в угоду мифу мира, которого все равно не будет, пока жив большевизм, или принять жертвы борьбы против большевизма? Схватка с московским "коммунизмом" не предотвратима и призрачный мир только увеличит число жертв через несколько лет.

Эта полемика далеко перешагнула за рамки жизни русской эмиграции. Вопрос о войне и отношении к ней встал теперь перед всем миром. Ни одна нация не может расчитывать на былые привилегии нейтралитета и ограничиться утешением: "Моя хата с краю!.." Маленькая страна традиционного невмешательства в мировые драки—Швейцария, хотя по прежнему придерживается своих принципов, но изподтишка закупает танки, самолеты и иное вооружение и увеличивает армию. Швеция и Норвегия по опыту знает, во что ей обошелся "нейтралитет" во вторую мировую войну, и понимает, что агрессора одними шапками не закидаешь, а нужно избирать для отражения предметы более реальные и действенные. Теперь даже Тибетские монахи понимают, что понятие о нейтралитете с прошлого столетия значительно изменились. Точно также и перед каждым думающим живым существом стоит этот вопрос: с кем идти и против кого? Здесь также не может быть нейтральных и не останется места "хате с краю," хотя бы многие этого и желали.

Еслибы вопрос был поставлен по другому: "Война, или мир?" — то естественно, что 99 процентов населения ответили бы: "Мир." Большевики этот фокус прекрасно изучили и ставят вопрос именно так. Этим и об'ясняется успех их пресловутого стокгольмского воззвания. Но, к сожалению, наше время ставит вопрос не о войне и мире. Большевики в Кремле на этот вопрос ответили уже тридцать с лишним лет назад, провозгласив лозунг мировой революции. Ответ этот — война, и чтобы ни предпринималось к предотвращению войны, она рано, или поздно возникнет. По Чехову, ружье, висящее на стене в первом акте, должно выстрелить в последнем акте. В мировой международной драме, накопленное вооружение должно начать стрелять: срок — вопрос времени.

Исключительно интересное сообщение промелькнуло в печати, оставшись пока не замеченным: Верховный совет СССР единогласно, как всегда, принял постановление, что пропаганда в пользу войны является уголовным преступлением, карающимся 25-ю годами тюрьмы! Этот новый фокус Сталина

можно считать непревзойденным! Кто эти сумасшедшие в СССР, кто агитируют за войну? Кому Гитлеровское нашествие не стало еще поперек горла? Или, действительно, народу настолько тяжело дышать, что он предпочитает новую войну своей "радостной и счастливой жизни"? Дыма без огня не бывает, и, кроме пропагандной стороны, такое постановление должно преследовать какие то реальные цели, каких то живых "пропагандистов." Мы знаем, что в советской России законы издаются не для морального устрашения, а для увеличения рабочей силы в концлагерях. Почему именно теперь, когда Сталин "отстаивает дело мира," потребовался новый драконовский закон против пропагандистов войны? Да ведь, если правильно понять и применять этот закон, то надо посадить на 25 лет всю большевистскую лестницу от Политбюро до последнего колхозного парторга, т.к. все их речи неизменно начинаются и кончаются одним и тем же припевом: "крепить оборону страны, увеличивать военные силы, повышать военную мощь армии" и т.п. Разве это не пропаганда войны, а пропаганда "обороны"? Но ведь известно, как Советский Союз "оборонялся" против Финляндии, Польши, Западной Буковины, Литвы, Латвии, Эстонии. И никак нельзя представить, что бы какой-нибудь оратор, воскликнувший: "Наша доблестная армия сотрет с лица земли всех англо-франко-американских захватчиков!" — был бы сразу же арестован и приговорен к 25-и годам концлагеря. Наоборот, ему будут аплодировать и назовут "борцом за мир." А вот, какой-нибудь рабочий, осмелившийся со вздохом сказать: "Хоть бы опять война!" — попадет в концлагерь наверняка. А такие настроения, видать, получили массовое распространение, и новый закон — тому убедительное подтверждение.

Я помню один случай: мой знакомый, средний партийный чиновник, в 1939 году, под хмельком откровенно заявил мне: "Если бы заварилась каша, то я первый пошел бы против нашего строя!" Он был партийцем "Ленинского призыва," т.е. с 1924 года. Очевидно, таких то "пропагандистов войны" имеет ввиду постановление Верховного Совета.

Стало-быть, не только население запада пытается ответить на вопрос: с кем и против кого? Народы России тоже задумываются над этим вопросом и неистовая антиамериканская пропаганда большевиков доказывает наличие внутри страны про-западных тенденций. А это должно помочь и нам правильно ответить на фатальный вопрос.

Мы — решительно, несгибаемые противники всякой войны, всяких побоищ, всякого уничтожения человека человеком. Никому так не дорог мир между народами, как нам, убежденным сторонникам братства, равенства и свободы, исповедующим идеал человечности, добра, взаимопомощи. Но мы живем не в воздушных замках, а на грешной земле, где ежечасно попираются наши идеалы и где существует каста людей, об'явивших свой закон жизни: "Человек человеку — волк." А потому, как говорится, "с волками жить, — по волчьи выть..."

Не мы решаем судьбы мира, и возникновение войны от нас не зависит. Как и миллионам остальных тружеников, война нам ненавистна, онако, предотвратить ее мы не в силах. Начало войны поставит нас глаз-на-глаз с совершившимся фактом, и тогда надо будет волей-неволей ответить на вопрос: с кем? Не помогут никакие увертки, не спасут никакие афоризмы. Поэтому надо прямо и ясно ответить на вопрос, и чем раньше, тем лучше, чтобы заранее знать свое место и обязанность.

В № 34 "ДТП" Живко Колев поставил этот вопрос перед нами и свой ответ дал: наше место с демократиями против большевиков. Ответил он так не из любви к демократиям, в сущности которых он прекрасно разбирается, а из ненависти к большевизму, закабалившему его родину и народ. Но вот, статья Колокольцева в № 35 "ДТП" производит странное впечатление. Он говорит: "Столкновение двух гигантов (Америки и СССР) — неизбежно; катастрофа может разразиться в любой момент." Каковы же отсюда выводы?

Я прекрасно понимаю т. Колокольцева: он противник войны и хорошо пишет против войны. Нельзя не согласиться с его заключительными строками: "...Желать войны, хотя бы ради такого благого дела, как поражение большевизма, по нашему мнению — преступно." Совершенно верно: преступно желать войны, преступно призывать к войне! Мы всеми силами нашей души не желаем войны, и никто не слыхал наших призывов к братоубийству. Но ведь, между понятиями "желать и мочь" с сотворения мира лежит непререкаемое противоречие. Мы не желаем болезни ,но хвораем. А ведь, болезнь при современных достижениях науки поддается профилактике легче, чем войны. Эпидемию войны мы видим, но предотвратить ее не в

силах; поэтому заранее должны подготовиться для действий, которые помогут спасти возможно больше жизней.

Предположим, что война начнется завтра; что дадут наши отчаянные крики о мире? Чем помогут наши самые убиственные аргументы против войны? Гиганты мысли дали миру незабываемые произведения, рисующие ужасы сражений; вспомнить хотя бы Толстого, его "Войну и Мир," "Севастопольские рассказы" и др. Но они не остановили войн, ставших еще более разрушительными и жестокими. В реве орудий голоса пасифистов не слышны. Грохот боев заглушает стоны страдающих. На взводе курка войны лежит рука людей, для которых страдания солдат, плач детей и слезы матерей ничего не стоят: они привыкли к ним и в "мирное" время.

Итак, мы не решаем вопрос: война или мир. Мы можем лишь вести сейчас, — до начала войны, — пропаганду за мир, сколько это в наших силах и возможностях. Однако и здесь, в этой нужной и почетной работе, мы можем оказаться в крайне невыгодной позиции. Мы — непримиримые враги большевизма и войны, но и большевики тоже на всех международных перекрестках кричат о мире, подготовляя, в то же время, захват новых и новых территорий. Мы честно, чистосердечно ведем нашу пропаганду за мир, а большевики ведут ее для того, чтобы за своей "железной завесой" лучше скрывать лихорадочные военные приготовления. Для людей, не особенно разбирающихся в политических круговоротах, достаточно совпадения аргументов, чтобы сделать о нас совершенно неверное заключение, а уже о "блюстителях государственного порядка" и говорить нечего: они разницу, конечно, понимают, но скрыть ее тоже могут.

Нет сомнения, что большевики — специалисты насчет пропаганды и дело свое понимают! Например, им нужно во что бы то ни стало удержать от вооружения западную Германию, и Сталин отдает приказ по своей немецкой евпархии: "развернуть пропаганду против вооружения!" И развертывают! Вот один плакат: нарисована пушка, а против нее указано, что цена ее равняется стоимости 13 жилищ; один танк равняется стоимости 40 жилищ; вместо одного истребителя можно построить 330 жилищ; вместо одного бомбовоза — сотни тысяч домов. Никто, конечно, не добавляет к этому плакату, что если немцы не будут вооружаться, то не только не построят этих тысяч жилищ, но потеряют последние, если большевики захватят всю Германию.

Большевики пустили здесь лозунг "без нас!" Это "без нас" подхватывают миролюбивые массы населения, что большевикам и требовалось. "Без нас! — и все!" Пускай с большевиками дерутся американцы, англичане, французы, — кто хочет, но мы драться не будем! Пускай приходят Пик и Гротеволь, пускай заводят у нас колхозы и октрывают концлагеря и прямой путь в Колыму, но "без нас"!

Это большевистское "без нас" подхватили не только немецкие коммунисты, но и даже... генералы Гитлера! Недавно в Брауншвейне состоялось собрание 4000 бывших парашютистов немецкой армии во главе с Рамке. Генерал провозгласил: без нас! — но далеко не из пасифических чувств. Нет! Он говорит западным союзникам: в 1945 году, когда вы со Сталиным делили добычу, вы сказали "без вас," а теперь, когда вы хотите подраться из-за дележа, мы говорим вам: "без нас!"

Возьмем другой примерь. Лихорадочно вооружается Америка и страны т. н. Атлантического блока. Вооружаются они совсем не потому, что им нравится, а потому, что нашелся хищник сильнее, чем они сами. Если не они, — так он... Остановить это вооружение не в наших силах, а мешать его осуществлять, — значит помогать большевистскому блоку. Большевизм наш злейший враг, и помогать ему мы не собираемся. Стало быть, нужно выбрать на чью сторону становиться.

Свое личное отношение к войне я формулирую так: большевизм — язва на теле мира; борьбе с ним я посвящаю все мои слабые силы. В случае войны мое место в рядах демократий, декларирующих целью освобождение народов России и других стран, попавших под ярмо тоталитаризма.

Н. Пермяк.

ПРИМЕЧАНИЕ:

В № 36 ДТП, в статье "Если Завтра Война...," М. Егоров, всецело став на сторону "демократий," — объявляет непримиримую и беспощадную войну большевикам.

Он говорит: "Буржуазный демократизм никакой перспективы не дает: пока существует этот строй, рабочий обречен на тяжелый труд, на нищету" (стр. 16). Затем, на стр. 17: "Победа буржуазных демократий будет способствовать дальнейшему прогрессу движения трудящихся, нанесет удар капитализму..." (Сама себя высекла!). Его вывод гласит: "Да, мы должны пойти с демо-

кратиями против большевизма, потому что большевики — наиболее опасный враг для всего трудящегося человечества."

В настоящей статье Пермяк, языком Егорова, из кожи лезет вон, стараясь оговориться, что, мол, он против войны вообще, но в частности — лично — он тоже присоединяется к демократиям в войне против большевиков.

Вполне соглашаясь с критикой большевиков и, вместе с авторами, не веря в искренность их прошлых и настоящих обещаний, — мы можем видеть насколько противоречиво понимание авторами роли демократий и как опасен их вывод.

Уроки русской революции не оставили следа на мышлении Егоровых и Пермяков, ибо они не учли общеизвестного факта, что все кто боролись против правой реакции вместе с большевиками, — потеряли свой облик и утонули в тине реакции слева, тоже, вместе с большевиками. Сохранили свои убеждения лишь те, кто боролись и против правых и против большевиков во имя своих идей, а не поступаясь ими.

Нам не по пути с фиктивными "демократиями" (истинных демократий днем с огнем не сыщешь ни в Америке, ни в Европе): нам ненавистны, как произвол большевистской диктатуры, так и произвол прикрывающегося мантией демократии необузданного капитализма. Борясь против насильников, мы не желаем насиловать других, мы не помышляем мечем и огнем водворять какую то "демократию" в России, или где либо еще.

Теперь, как и всегда, нам надо сосредоточиться на пропаганде преимущества Свободного Общества, нам нужно употребить все усилия к воспитанию людей в духе противления засилью власти и капитала. Маленький светоч Свободы будет потушен, если мы бросим свои слабые силы на сторону одного, или другого насильника. **ВИД.**

МОЖЕМ ЛИ МЫ БЫТЬ АНТИМИЛИТАРИСТАМИ В НАШИ ДНИ?

(Д-ра Х. Коехлина из брошюры группы Свободное Общество, 1951 г.)

При поверхностном анализе покажется совершенно ненужным пересмотр вопроса о нашей позиции по отношению к антимилитаризму. Мы все готовы утверждать, что, конечно, анархист никогда не может быть милитаристом. Его преданность делу анархизма делает невозможным для него подчинение военной дисциплине; его чувство социальной справедливости не позволит ему поддерживать какое либо учреждение, которое ставит своей постоянной целью закрепление классового правления; его принципы гуманности никогда не могут согласоваться с организованным насилием милитаризма.

Всетаки вопрос не так уж прост, если мы выймем его из разряженного воздуха теории и поставим на почву сегодняшней действительности. Возникают события, при которых все покушающиеся на свободу силы кажутся сконцентрированными в одном пункте земной поверхности, откуда они угрожают истребить жалкие остатки свободы, еще пользуемой человеком. В таких положениях появляется искушение принять все предлагаемые меры и оказать поддержку любому движению или инстанции, которые годны приостановить, хотя бы временно, уничтожающего свободу Истукана. Мы живем при таком положении с тех пор, как Гитлер достиг власти. Он, как главный враг свободы, был поражен во Второй Мировой Войне милитаризмом демократий, а сегодня Сталин занял его место.

Хотя еще не было таких анархистов, которые в таком положении настаивали бы, чтобы мы всецело положились на военную мощь, тем не менее видные анархисты в аналогичных случаях, не колеблясь, выстраивались на стороне одной из воюющих партий. Это означало на деле, что они взвесели один милитаризм против другого и присовокупили свою судьбу к одному из них. Вспоминается позиция П. Кропоткина в Первой Мировой Войне, а позднее позиция Р. Рокера во Второй Мировой Войне. Этот тип, который можно назвать "примиренческим анархизмом," не так легко опровергнуть, как это может показаться сразу, если рассматривать факты без предвзятых предубеждений.

Незачем перечислять здесь без сомнения верные и часто повторяемые доводы, что источник диктатуры, террора и войны находится в самом капитализме и системе государственного контроля, или, что этот источник свойствен каждому правительству, а посему может быть атакован только извнутри. Этот довод не исключает факта, что есть страны, в которых социальная и политиче-

ская структура позволяет анархистам вести таковую борьбу, в то время, как в других странах все свободолюбивые силы систематически убиваются. К тому же, безспорно, что никакое правительство не ведет войну за свободу, а больше всего войны ведутся за преобладание капиталистических и империалистических интересов. Всетаки факт остается фактом, что не все империализмы и не все капитализмы одинаковы. Еще существуют империалистические и капиталистические государства, которые сохранили некоторые либеральные традиции и, на самом деле, позволяют личности некий минимум свободы действий, как бы ни жалка и ни ничтожна не была такая подачка; в то же время есть империалистические страны, которые замуштровывают личность в теснейшие организованные системы, с мельчайшими деталями, совершенно не оставляя никакой свободы движений.

В Европе этот факт более очевиден, нежели в Америке. А посему, при таких обстоятельствах, разве не будет чистейшим самоубийством, если мы не схватим в руки и не мобилизуем все возможные средства и приемы, какие могут помочь приостановить, тем или иным способом и в какой либо степени, дальнейшие наступления Красного Фашизма? Для того, чтобы отвергнуть милитаризм Запада, как своего союзника, необходимо быть в состоянии рассчитывать на какие либо другие, более приемлемые для нас силы, к примеру сказать, революционный пролетариат. Но ведь революционного пролетариата сегодня нет! Нет смысла питать какие либо иллюзии на этот счет. Пролетариат — политически скован: изрядная часть его все еще цепляется за "рабочий рай" в Советском Союзе, а другая часть в моменты кризиса готова отдать себя в распоряжение и на службу отечества и принять участие в любой войне, не считаясь с тем, с какими целями ведется война.

Как автономная сила рабочий класс сегодня лишен какого либо значения. Конечно, во всех частях света найдутся некоторые преданные свободе личности и горсть анархистов, но ведь и они бессильны и не имеют значения, и предоставленные самим себе, никогда не могли бы выстоять попытки насильственного сопротивления. Существует только одна сила, которая компетентна оказать сопротивление посягательствам Красного Империализма на последние оставшиеся в жизни свободы, — это Западный Империализм, который также хорошо организован и вооружен до зубов.

Казалось бы, что при таких обстоятельствах, мы не можем оставаться даже и полупацифистами, а должны стать полными милитаристами. Сделав один шаг, мы должны сделать и другой. Вымолвив "А," мы должны быть готовы сказать и "Б." Мы должны отказаться от всего, что может помешать политическим и военным приготовлениям. Мы должны проглотить все самые вопиющие несправедливости, которые могут быть совершены демократиями в их колониях и внутри их собственных границ; мы должны будем трудиться так же усердно, как и русские "стахановцы." Всякое иное отношение делает нас виновными в нерешительности и непоследовательности.

Если мы даем свое одобрение войне в защиту наших свобод, — мы также должны делать все посильное к тому, чтобы те, кто прописали или ведут войну, могли ее выиграть. В таком случае, было бы нелогично схватиться за револьвер, оставив вне употребления атомные бомбы. Говоря короче, для того, чтобы спасти наши "свободы" (кавычки мои.—пер.), мы должны изменить своему идеалу. Как разрешить такой парадокс?

Изменить своему делу ради призрака свободы и стать милитаристами, было бы бессмысленно, ибо при таких обстоятельствах добытая свобода потеряла бы всякое разумное значение для нас. Мы знаем по опыту, что никакая война не в состоянии разрешить какие либо мировые проблемы. Вполне справедливо, что в курсе войны диктаторы могут пошатнуться и пасть, но верно также и то, что в результате войны неизбежно появятся новые диктаторы и диктатуры, ибо война ведет к полнейшей деморализации человеческих существ, которые участвуют в таковой, будь то пассивно или активно.

Что же делать? Должны ли мы не обращать внимания на атомные бомбы, и, согласно нашим традициям, взяться за револьвер и воздвигать баррикады, для разрушения которых не будут даже нужны и атомные бомбы? Это также будет тщетно.

Если мы, в таком случае, останемся антимилитаристами, — а таковыми мы должны быть, — для нас остается только один путь, и этот путь является надлежавшим путем для всех, кто разделяют наши взгляды. Нам надлежит отречься, по существу принципа, от обращения к насилию, а из этого отречения уже сделать все логические выводы.

...Пусть военные люди состязаются с Сталиным по их собственному фасону; они не уничтожат его их оружием, хотя бы они

внешне и победили его. Мы будем бороться с ним своим способом, посредством нашего пассивного сопротивления,—сопротивления, которое согласуется с нашей анархической практикой, — и, таким образом, демонстрировать, что насилование человечества имеет границы, против которых каждый диктатор, в конце концов, должен разбиться и потерпеть крах.

Этот путь длинен и воплощает гораздо более жертв, нежели путь насилия, но это единственная тропа. Мудрость Льва Толстого является высшей логикой Свободы, на путь которой Анархизм толкается снова и снова, хочет ли он этого, или нет.

***

От переводчика. — Удовлетвориться лишь пассивным сопротивлением в нашей борьбе за свободу мы не можем, хотя применение силы, как сопротивления насилию, практически неприменимо в наши дни, благодаря наличию в руках угнетателей самых совершенных орудий разрушения, и какие либо вооруженные возстания были бы бессмысленны и моментально подавлены.

Мы отрицаем насилие всюду и по отношению ко всем, но, тем не менее, не можем осуждать людей, потерявших терпение и, в своем справедливом гневе, поднявших руку на тиранов и угнетателей. "Безумству храбрых поем мы песню," но призывать к таковому не можем. Всетаки, акты протеста, прочно мотивированные и широко опубликованные, потрясают общество, пробуждают совесть, побуждают протесты прòтив злоупотреблений власти и обладателей богатств и приготовляют среду к восприятию свободнических идей.

Нашим лучшим оружием является непрестанное обращение к разуму и совести человечества, устным и печатным словом выявляя вопиющие несправедливости в нашем общественном строе, а, где возможно, и практическим приложением в жизнь наших понятий будущих соотношений людей и их свободной кооперации, как для собственного воспитания, так и для наглядного показательства преимуществ свободного сожительства.

ВИД.

Статьи и корреспонденции, присланные для напечатания в журнале, должны быть четко написаны чернилами на одной стороне листа за подписью или псевдонимом автора. Редакция оставляет за собой право сокращать и изменять рукописи по своему усмотрению.

Ред. Коллегия.

Призыв

Уважаемые товарищи: С 1950 года, усилиями русских рабочих в Германии издается ежемесячный анархический орган "Народная мысль."

Вопреки целому ряду недостатков, как то: внешняя неприглядность, редакционные упущения, журнал пользуется значительной популярностью, как в Германии среди русских ди пи, так и за ее пределами.

Причина успеха журнала заключается в тематической содержательности и идейной целеустремленности. Но ввиду того, что журнал издается на скудный заработок одного из рабочих, его существование находится под весьма реальной угрозой. По этому издательство "Народной мысли" обращается ко всем анархистам и сочувствующим оказать журналу "Народная мысль" посильную материальную поддержку. Очень желательно, также, чтобы товарищи, могущие писать статьи или корреспонденции писали в "Народную мысль."

Корреспонденции и почтовые посылки направляйте по адресу журнала "Дело Труда-Пробуждение."

Ред. "Народная Мысль."

Поступили в Редакцию

ТРУД И МИРНАЯ ЖИЗНЬ"—С. Ф. Рыбина (Адрес: S. F. Reibin, Route No. 1, Box 364, Manteca, Cal.).

"НОВЫЙ ЖУРНАЛ" № 28, под редакцией М. М. Карповича.

"НАРОДНАЯ МЫСЛЬ"— Издание анархистов в Германии регулярно присылается в Редакцию "Дело Труда-Пробуждение." (Адрес: "ДТП").

"ГОЛОС НАРОДА," Мюнхен.

"LE LIBERTAIRE," 145 Quai de Valmy, Paris 10-e.

"CONTRE COURANT," 34 Rue Des Bergers, Paris 15-e.

"LE COMBAT SYNDICALIST," 39, Rue de la Tour d'Avergne, Paris 9-e.

"FREEDOM," 27 Red Lion St., London W.C.I., England.

"САТИРИКОН," Frankfurt on Main—West 13, Postfach 1364A. Germany.

От Чеховского издательства поступило с десяток книг. Авторы некоторых книг, как Алексеев, мечтают о возврате старых времен и сладкого дурмана религии, другие пишут более объективно. Перепечатка классиков заслуживает внимания. (Адрес: Chechov Publishing House, 14 — E. 28 St., New York, N. Y.).

Адреса многих журналов и периодических изданий свободнического направления на русском и иностранных языках могут быть посланы по запросу.

НОВЫЕ КНИГИ

С. Ф. РЫБИН—ТРУД И МИРНАЯ ЖИЗНЬ

(История духоборцев без маски)

Только что прочел внимательно этот поразительный документ, представляющий, искренно и правдиво, без прикрас и вульгарностей, — быт духоборцев в Канаде, с краткой историей их пребывания в России и отрывочными сведениями о их других поселениях.

Само название книги — правдиво, говоря о труде, но звучит жестоким сарказмом, говоря о "мирной жизни," ибо, по словам самого Рыбина, духоборцы были гонимы русским правительством и насильственно переселяемы с места на место, а в особенности, когда их вожди также насильственно переселяли их на новые поселения, разбивая семьи и предоставляя им, чуть ли не с голыми руками бороться с суровыми природными условиями опрометчиво выбранных их невежественными вождями мест поселений.

В своей повести Рыбин говорит о чрезвычайной жестокости вождей к мирным, покорным и невежественным крестьянам, порой выражающейся в чисто садистских нелепых выходках, издевательствах и побоях.

Он говорит о преданности духоборцев к своим вождям, которую не могли поколебать никакие дебоширства, распуства, пьянство и ложь последних.

Отойдя от православия, они возвели в роль непогрешимых божков их столь же темных, но более хитрых и хищных вожаков.

Всякую жестокость, какую проделывали их вожди, они считали "испы́танием," всякое насилие над собой — неот'емлемым правом вождя.

Многие из анархистов, идеализирующие духоборцев, как антимилитаристов, противников власти, практикующих свободную общественность, — будут краснеть в растерянности, когда прочитают как духоборцы, противясь властям извне, возводили на троны ничем необузданных деспотов, которые намеренно старались продолжить тьму суеверия и раболепия в среде своих подданных — духоборцев, угрозами, побоями и страхом голода удерживая простаков в рабском труде общины, где все принадлежало вождю.

Там, где царит невежество, не может быть возвышенных идей о свободе; там, где нет сознания равенства людей, не может быть равных, а будут лишь рабы и господа.

Непосильный труд этих людей, их геройское отрицание солдатчины и внешних властей, их невероятная выносливость в труде, наказаниях и лишениях,—могли бы вызвать восхищение, еслиб подкладка всему этому: суеверия, безграмотность и полнейшее невежество, — не ставили духоборцев наравне с их домашним скотом, которому часто оказывалось, по приказу вождей, более внимания, чем самим духоборцам.

Книга страдает недостатком литературной обработки, погрешностей против грамматических правил, что иногда оставляет читателя в недоумении, является ли параграф цитатой, или же словами самого автора. "Труд и Мирная Жизнь" является ценным вкладом в процессе освобождения человека от пут религии, экономического рабства и засилья власти.

Говоря словами автора, будем надеяться вместе с ним, что его книга — "повлияет на духовное раскрепощение нашего молодого духоборческого поколения." *ВИД.*

М. НЕТТЛАУ—ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ АНАРХИЧЕСКИХ ИДЕЙ

Я получил эту книгу еще в начале этого года, но как то не мог закончить ее, будучи несколько обескуражен предисловием С-ка под заголовком "Проблемы Свободы." Позднее, начав перелистывать статьи Неттлау, я заинтересовался нетрадиционным мышлением автора и прочел всю книгу, частенько возвращаясь к пересмотру его тех или иных взглядов и положений.

С внешней стороны книга привлекает общей опрятностью, прочной хорошей бумагой и изобилием портретов видных деятелей анархического движения.

Подкупает простота изложения некролога Антона Демчука, который, работая в просветительных организациях, нашел возможность, даже и после смерти, помочь дорогому ему делу освобождения всех угнетенных и обездоленных, — завещав все свое состояние на издание свободнической литературы.

Некролог Макса Неттлау излишне растянут умствованиями М. С-ка, который, дав кое какие биографические сведения о Неттлау, силится дать собственную версию анархического движения. Попробуйте ка разобраться в тираде С-ка на стр. 14: "Не терпел он (Неттлау) фанатизма — навязывание всем какой-либо одной теории, вроде анархо-синдикализма, даже кропоткинского коммунизма, не потому, что коммунизм ему не нравился вообще, а потому, что кропоткинский максимализм, по его мнению, не отвечает настроениям рабочих на данной ступени экономического развития — их сознанию скорее апеллирует прудоновский "полный продукт труда," индивидуальный подход к проблеме вознаграждения за работу в новом анархическом обществе, а не коммунистический, предполагающий высокую степень экономического развития, изобилие продуктов, высокий нравственный уровень людей, — следующую высокую ступень социального и, может быть, завершающего, момента истории человечества." Ведь это какой то бред, ни — Б, ни — М не понимающего в анархизме человека. Его "Вольные коммунисты" — духоборцы, ни к селу, ни к городу попавшая в некролог Неттлау целая статья, противоречит всем сведениям о рабской, подневольной жизни духоборов и их невежестве, вполне правдиво описанных в недавно вышедшей из печати книги С. Ф. Рыбина "Труд и Мирная Жизнь." Пояснения С-ка о происхождении "божественной власти" — детски наивны (стр. 20).

Но, приступив с открытым умом к статьям самого Неттлау, мы находим иное. Язык тяжел, — по вине ли переводчика, или самого Неттлау, судить не можем, не имея оригинала, — но глубина мысли, дерзание мыслить нетрадиционно, и связное и последовательное изложение развития анархической идеи и действия — вполне искупают косность языка книги и неуместность предисловия.

Осведомленность автора внушает уважение и бросает новый свет на события и личности в анархическом движении, помогая читателю освободиться от стереотипных представлений и недомолвок, которыми часто страдала анархическая хроника.

Глубоко разочарованный в обескровлении анархизма ярыми спорами о правоте различных его течений и теоретиков, Неттлау приходит к мысли, что нам надо выйти из изоляции святости нашего идеала и входить в связи со всеми либертарными и либеральными силами, которые своей беспрестанной критикой подрывают авторитет власти, хищничество капитализма и невежество религии. В их среде найдутся открытые умы, готовые к восприятию идеи свободного общества. "*Мы обязаны точно такой же степенью солидарности каждому либеральному движению, ибо таковое является актом сопротивления или подрыва власти*, государства, моральных предрассудков, рабства и рабской психологии," — говорит Неттлау на стр. 171.

В статье "Несколько замечаний об экономике анархизма,"—Неттлау проводит мысль, что, когда совместно и при компромиссе со всеми другими антиавторитарными силами, мы завоюем возможность свободного общественного строительства, — мы должны быть готовыми показать преимущества свободного общества на коммунистических началах, как более практичной и жизненной формы свободного сотрудничества. Отрицая насилие в проведении своих идей в жизнь, мы не можем принудить людей строить жизнь по нашему, а можем лишь надеяться на "пример и интеллектуальное и эмоциональное убеждение путем доводов и воздействия на чувства" — говорит Неттлау и продолжает — "Даже в лучшем случае, постижение анархизма, воля к анархизму не могут быть распространенны и стать всеобщими в раннем периоде свободного общества, в ближайшее время после победы социальной революции" (стр. 191-192).

Говоря о том, что войны до 20-го века были "относительно безвредными," Неттлау выносит суровый приговор будущим анархистам-милитаристам: "В то время воевали только солдаты, оружие было примитивно по сравнению с нынешним, а личные права невоюющих в значительной степени соблюдались. Такие войны относятся к прошлому, *а грядущие войны будут войнами на истребление с целью предотвратить восстания нынешних рабов*. Это будут войны финансистов в поисках добычи, войны фашистов, страдающих манией убийства, войны для увековечения эксплоатации в других континентах, войны для уничтожения свободы там, где она развивается, для уничтожения социализма, для увековечения нынешнего страшного рабства."

"Противодействовать таким преступлениям при всякой возможности должно быть личным делом каждого. Этим путем мы устраняемся от участия в войне, мы сопротивляемся убийству и порабощению людей. Но нет прощения анархисту или вообще какому бы то ни было человеческому существу, принимающему участие в подобных

войнах на стороне сильного, наилучше вооруженного, имеющего шансы победить и поработить новые массы людей... Если участвовать будут в них анархисты, то этим они сами себя устранят из нашей среды: если они возведут свое преступление в теорию, то к ним можно отнестись только с презрением, если же они молча уйдут прочь, то забудем о них" (стр. 215).

Статья "Взаимная Ответственность . . . (стр. 283-297) приводит читателя в некоторое недоумение, когда Неттлаи говорит в защиту "публики" от повышения цен на продукты, как следствие повышений платы организованному труду после удачных забастовок: "масса не только остается безучастной к победам организованных рабочих, но, может быть, встречает их даже враждебно." Поэтому, призыв потребителя к бойкоту хозяев звучит наивно, считаясь с тем, что сам Неттлау считает широкую публику несознательной и враждебной интересам рабочих.

Это он называет своей "ересью," а затем продолжает: "Вторая моя ересь касается ответственности рабочих за исполняемую ими работу..., что я разумею под *ответственностью рабочих за продукт их труда."*

Разве рабочий может в какой либо степени контролировать достоинство и качество выделываемого продукта, когда хозяин контролирует количество и качество материала, когда от рабочего ожидается известная "норма" производства, когда рабочий и его семья, их само существование, зависят от работодателя? Из гнилого сукна не сошьешь прочной одежду, из несвежих продуктов не приготовишь здоровую пищу, из песка с небольшой примесью цемента не выстроишь прочного дома или фабрики и т. п. Призывать рабочего в капиталистическом хозяйстве к ответственности "за продукт их труда," — бессмысленно, но таковая ответственность вполне уместна в будущем обществе, где все продукты ,орудия производства и условия труда будут контролироваться самими производителями. Теперешний продукт — полное отражение прогнившего капиталистического строя. Продукт, как средство наживы, не может быть хорошим сколько бы рабочий не радел об этом. Юнионный ярлык ставил себе эту цель, но где его достижения?

Сборник статей Неттлау не имеет большого значения для начинающих знакомство с анархизмом, но неоценим, как помощь всем анархистам понять яснее свою роль в жизни и стать на более практичный путь к осуществлению свободного общества. Книга эта ценна, поскольку она пробуждает мысль, даже и добродушно названными самим Неттлау "ересями."

Необходимо содействовать самому широкому распространению этого осмысленного труда.

ВИД.

Размышления

Человечество мира сейчас находится в полосе какой-то психологической и моральной пустоты, измельчания и упадка. Как следствие — политические, социальные и экономические тупики, в которых люди блуждают, как в темном лесу, стараясь выйти из него по кривым линиям, вместо того, чтобы взять прямое направление и выйти на чистое место.

За последние десятки лет было много примеров, ярко показывающих, как человечество, не понимая истинного выхода из тупика, диктуемого ему естественным ходом вещей, создавало и создает всевозможные теории, опускающие его еще больше на дно фашизма, рассизма, сталинского коммунизма, шовинизма, мистицизма и пр.

Человечество потеряло способность к восприятию и пониманию здоровых идей и методов борьбы с существующим социальным злом, выход из которого оно так тщетно ищет.

Небольшая часть человечества, одержимая страстью эксплоатировать других и властвовать над ними, создает аппарат насилия и принуждения — власть, обеспечивающую незначительной части человечества возможность жить за счет других, оправдывая все это ложью, лицемерием и обманом, практикуемыми в семье, школе и во всех других общественных отношениях. Эти, так называемые атрибуты гражданской мистики, убивают всякие порывы к свободе и равенству людей.

Параллельно с ней существует другая группа людей, которая, применяя теологическую мистику, такой же наглой ложью и обманом убивает в человеке его самостоятельное, свободное — Я.

На всем историческом ходе существования и развития человеческого общества мы видим этих двух поработителей и эксплоататоров человечества в тесном союзе, который обеспечивает им их привилегированное положение.

Казалось бы, что человечество должно осознать, что никакие властители (оно уже испытало их всех оттенков), ни религиозные учения (которых столько же мастей, как и

властей) не могут дать ему счастливой жизни, основанной на свободе, равенстве и справедливости; казалось бы просто, что нет смысла прибегать к помощи тех, кто по сути являются его поработителями и эксплоататорами; что, только избавившись от последних, люди могут самостоятельно созидать справедливое, свободное общество.

Кажется, что в комплексе социальных отношений люди все еще блуждают под гипнозом психологической и моральной консервативности (так свойственной человеку) среди трех сосен: традиции, воспитания и среды. У них отсутствует нужный прямой критический взгляд на жизнь, их кругозор сужен предрассудками традиций, религии и, извращенными его поработителями, всеми взаимоотношениями общества.

Когда человек поглубже заглянет в самого себя, он сознает, что в нем сидит анархист, когда же он окунется в жизнь во всем ее разнообразии социальных отношений, — он теряется, смиряется и пробует найти выход во всяких мистических измышлениях, услужливо подсовываемых его врагами.

Журнал "ДТП" (орган безвластников) ставит себе целью вскрытие действительных корней социального зла, тяготеющего над человеком, основы его долгого существования и пути изжития его, избавления от него.

В настоящие дни мировой реакции, печатный орган, пробуждающий в нас дух негодования против несправедливости и неравного распределения земных благ, пробуждающий ум и совесть, рушащий летаргию покорности и трусости, зовущий к борьбе с вопиющим удушающим злом, — такой журнал надо поддержать и сделать еще более ярким выразителем наших стремлений к свободному обществу.

И. Сургутов.

Человек подчинен великому принципу взаимной помощи, гарантирующей наилучшие шансы выжить и оставить потомство тем видам, которые оказывают наибольшую помощь друг другу в борьбе за существование.

П. А. КРОПОТКИН

Товарищи! Издание журнала "Дело Труда-Пробуждение" зависит исключительно от вас, поэтому мы обращаемся к вам с настоятельной просьбой усиленно распространять таковой и оказывать ему денежную и моральную поддержку.

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

АВСТРАЛИЯ:—Мне случайно пришлось прочесть Ваш журнал "ДТП," который действительно на страже интереса рабочих. Он нейтрален в смысле власти, только за народ. Он разоблачает диктатуру всех систем и их цели порабощения рабочих. Дает правильную оценку конфликта между Востоком и Западом, точно определяя роль рабочего класса в будущей войне. Ваш журнал служит прожектором освещающим дорогу рабочим всего мира.

Я новый австралиец, всего 14 месяцев как в Австралии. Один год работал при лагере, в настоящее время лагерь закрыли и я не могу получить работу. В Австралии кризис, работы найти почти невозможно. Цены на все поднялись, особенно на продукты. Рабочий вынужден отдавать 40 проц. своего заработка за свое содержание: квартира, постель и питание, плюс налоги, проезд на работу и за содержание семьи в лагере: жены и двух детей, за высчетом всего — остается только на табак. Безработные же задолживаются государству. Питание сведено на низкий уровень. Вся эта картина жизненных условий для дипистов развернулась в стране, где 112,000,000 овец и на квадратный километр територии один человек.

Прошу не отказать моей просьбе выслать мне несколько старых номеров Вашего журнала.

К. Вит.

ФРАНЦИЯ: — Здесь, в Лотарингии, на шахте по добыванию железной руды, имеется профсоюзная организация СГТ, которая в феврале месяце предложила рабочим шахты объявить однодневную забастовку в знак протеста против проекта закона, по которому, якобы, полагалось, что больничная касса должна выплачивать своим застрахованным рабочим, не после трех дней болезни, как это было до сих пор,, а после 15-и дней; а в случае болезни членов семьи застрахованного, за лечение будет платить не касса, а сам застрахованный. Так объяснил рабочим повод к забастовке делегат СГТ.

Забастовка была с энтузиазмом поддержана и все присоединились к протесту.

Вообразите изумление рабочих, когда они прочли через несколько дней в газете, издаваемой СГТ, что забастовка была вызвана в знак протеста против вооружения Германии, а о больничной кассе и помину не было.

Как видно, агенты большевиков в организации СГТ не имели больших надежд, что шахтеры выйдут на забастовку в знак протеста против вооружения Германии, а задание Кремля выполнить надо было, — ну, и подсунули больничную кассу.

Выходцев из за "железного занавеса" здесь работает около 50% состава, и такой провокационный прием большевиков и их агентов в рабочих организациях им понятен и ясен; а местные шахтеры по большей части объясняют этот жульнический прием тем, что, мол, СГТ нужно чем либо показать, что они не сидят сложа руки, а что то делают.

Сейчас уже ровно год, как я работаю здесь на шахте и нахожусь в 90 километрах от семьи: жены и пяти душ детей, и навещаю их только раз в две недели.

Молодежь читает ваши книги и журналы и им наши взгляды нравятся: ведь, мы, говорят они, и родились с такими убеждениями.

Пожалуйста вышлите мне первые две книги Мах-

но а также и новый номер журнала.

С дружеским приветом, **Шахтер.**

БАЛТИМОР, Мд. — Уважаемые тов. ДТП, высылаю вам 10 дол. почтовым переводом и прошу распределить их следующим образом: 5 дол. в фонд ДТП, а 5 дол. прошу переслать в Народную Мысль, ибо последний тоже нуждается в помощи.

Если вас не затруднит, прошу выслать мне адрес Флоридского курорта, ибо я буду иметь каникулы в августе месяце и, если ничто не помешает, думаю поехать туда.

С искренним приветом **В. С—к.**

АНТВЕРПЕН, Белгия. — Опять прибыл в Антверпен и получил ваше письмо, в котором Вы уведомляете о получении 20-ти долларов. Очень рад. Если следующий рейс окончится благополучно, то пришлю еще несколько долларов. **Кузмин.**

АБЕРДИН, Ю. Дакота. — Посылаю в фонд журнала "ДТП" еще 2 дол. Последнего номера журнала я еще не получил. Пришлите, пожалуйста.

С тов. приветом **А. Русек.**

НОРВЕГИЯ. — Шлю сердечное Вам спасибо за присланную книгу "Очерки по истории анархизма" и лучшие пожелания в вашей деятельности по распространению безвластнических идей. Подписную плату на жур. вышлю через пару дней. **Сосновский.**

ВЕРМОНТ, Ю. Австралия. — Пару дней тому назад получил пять экз. "Очерки по истории анархизма." № 37 журнала получил раньше. Вчера выслал Вам по почте один австралийский фунт. Раньше не мог выслать, т.к. имел много расходов. Журнал до сих пор раздавал бесплатно тем, кто может читать по русски. Официально здесь русских нет, есть украинцы, казаки и балтийцы. Люди привыкли от времен УНРРА получать все даром и поэтому их трудно побудить читать журнал и оказывать ему поддержку. **М. Джанусаускас.**

КЛИВЛАНД, Охайо. — Посылаю Вам чек на 10 д., которые пожертвовали тов. А. Ф. и желаю Вам успеха. **А. Хриплывый.**

НЬЮ ХЕЙВЕН, Конн. — Посылаю вам чек на 12 дол. и 50 с. 10 дол. за книги, а 2.50 за 10 экз. журнала. Книга Неттлау очень мне понравилась и желательно, чтобы кто либо написал о ней хорошую рецензию. **И. Б.**

МОНТРЕАЛЬ, Канада. — Посылаю на журнал "ДТП" 3 дол. Давно хотела послать, но не знала по какому адресу посылать. Очень сожалею, что 5 экз. книги Неттлау почта вернула вам назад. Причина этому та, что я болела в то время грипом и не могла получить во время книг. **Ева.**

ГЕРИ, Индиана. — Дорогие товарищи, посылаю вам денежный перевод на сумму 7 дол. 2 дол. за книгу Неттлау, 5 дол. в фонд журнала. **Н. Гвай.**

НЬЮ КАСТАЛ, Па. — Уважаемая редакция "ДТП." Посылаю вам чек на сумму 10 дол. за 4 книги М. Неттлау. Книга очень интересна и поучительна в том смысле, что она освещает правильно анархическое учение на простом и доступном каждому читателю языке. Очень желательно, чтобы она распространялась усилено среди российских выходцев. **Д. С. С.**

ФИЛАДЕЛЬФИЯ, Па. — Уваж. тов. М. посылаю 7 дол. за проданные номера "ДТП." Я получил от тов. К. Г. подписные листы для сбора средств на журнал и разослал их по другим городам нашего района. Необходимо усилить сбор средств на журнал, чтобы выпускать таковой регулярно каждый месяц. **Я. Т.**

АНСОНВИЛЛ, Канада. — Дорогие товарищи, посылаю на журнал "ДТП" 5 дол. в счет подписки на один год. Одновременно уведомляю вас, что мой муж Яков Иванович Кульгавчук умер 3 мая сего года. Прошу уведомить на страницах "ДТП" товарищей и читателей журнала. Мой муж был преданным идеям анархизма, распространял журнал и читал его с большой любовью. Я поэтому считаю своим долгом быть постоянной читательницей журнала "ДТП" и обещаю помогать Вам в издании таковогo. **Наталия Кульгавчук.**

МАЙАМИ, Флорида. — Дорогие товарищи, посылаю на журнал "Дело Труда-Пробуждение" 3 дол. и желаю Вам успеха в вашей благородной деятельности. **Таня Персова.**

БРИДЖПОРТ, Конн. — Уважаемые издатели "Дело Труда-Пробуждение." Посылаю на журнал 3 дол. Поддержка эта не значительная, но как говорится "с миру по нитке, голому рубашка." Обещаю в будущем помогать по силе возможности.

С тов. приветом **Иван Кердоль.**

НЬЮ ИОРК, Н. И. — Дорогие друзья, посылаю на журнал "Дело Труда-Пробуждение" 1 дол. и прошу посылать мне журнал регулярно. **Котляров.**

ЮНГСТАУН, Охайо. — Уваж. тов. Прилагаю при сем денежный перевод на сумму 10.50. Сумма эта образовалась следующим порядком: за проданные номера журнала 2.50; в фонд журнала Медынич 5 д.; К. Семенек 3 д. **С. Медынич.**

ФИНАНСОВЫЙ ОТЧЕТ
РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ "ДТП"
ЗА АПРЕЛЬ-ИЮНЬ 1952 Г.

ПРИХОД

Поступило за проданные журналы	$29.40
Поступило подписки на журнал	17.00
Пожертвования	
Илья Ильев	10.00
Л. Хрипливый	10.00
С. Медынич	5.00
В. Савчук	5.00
В. Левин	3.00
Е. Шварц	3.00
Н. Кувгавчук	3.00
Семенос	3.00
А. Русек	2.00
Б. Гершенфельд	2.00
В. Кучин	.50
Остаток на 1 марта 1952 г.	421.35
Итого	$519.25

РАСХОД

Печатание № 38 "ДТП"	400.00
Экспедиция журнала	46.59
Канцелярские	10.00
Итого	$456.59
Остаток на 15 июня 1952 г.	62.66